

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский Государственный Университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт социально-гуманитарных наук
Кафедра отечественной и зарубежной истории

УДК
ББК

Работа проверена
Рецензент _____
« ____ » _____ 2018 г.

Допустить к защите
Зав. кафедрой ОиЗИ _____
д.и.н., проф. О.Ю.Никонова
« ____ » _____ 2018

Афганская война в памяти воинов-интернационалистов: 1989 – 1999 гг.

ЮУрГУ- 46.03.01. 033. 2018

Выпускная квалификационная работа бакалавра

Руководитель ВКР бакалавра,

к. и. н.

Тимофеев А.А.

_____ 2018 г.

Автор ВКР бакалавра

студент группы СГ-406

Лаптев И.А

_____ 2018 г.

Нормоконтролер

к.и.н., доцент

Кривоногова С.А.

_____ 2018 г.

Челябинск – 2018

Введение

Историографию Афганской войны хронологически условно можно разделить на три периода, в каждом из которых можно выделить свои уникальные черты: публицистический (1979-1991), «генеральский» (1992-2009), научный (2009-н.в.).

Первый период часто называют литературно-публицистическим, и начало ему положили, в основном, журналисты. Однако, идеологически выверенные репортажи в газетах «Красная звезда», «Правда», «Комсомольская правда» и др. имеют мало общего с материалом воспоминаний реальных участников войны, отличаются политической однобокостью. Материалы указанных газет не имеют ссылок на источники, т.к. существовал запрет на распространение любых сведений об участии Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в спецоперации на территории Демократической Республики Афганистан (ДРА). Среди первых «фронтowych» репортажей нужно выделить труды Ю. Гаврилова, Т. Гайдара, В. Изгаршева.¹

В период 1980-1983 гг. стали выходить первые книги об Афганской войне, однако, как правило, они были лишены какой-либо аналитической части, представляя из себя описательные публицистические произведения, основанные на личных наблюдениях авторов и материалах периодической печати и направленные на освещение отдельных героических поступков советских солдат, их высоких морально-боевых качеств. Эти книги были рассчитаны на широкий круг читателей. Среди авторов указанного периода следует отметить Ю. Черепанова, В. Кассиса, Л. Колосова, П. Кириенко.² Каждый из указанных авторов лично побывал в Афганистане в качестве корреспондента.

---

¹ Костыря А.А. Историография, источниковедение, библиография спецоперации СССР в Афганистане (1979-1989 гг.). – Донецк, 2009.

² Топорков В.М. Историография советско-афганских отношений. – Чебоксары, 2014.

В этот же, публицистический, период, с метками «секретно» и «для служебного пользования», выходят работы с оценками общего положения ОКСВ в Афганистане, политической подоплёки вооружённого конфликта, его возможных последствий. К таким работам относятся труды М.Р. Аруновой³, В.В. Басова⁴, В.Г. Коргуна⁵⁶⁷, В.Н. Пластуна⁸⁹¹⁰ и др.

С 1985 г., в связи с начавшимися в СССР реформами, сменой социальных ориентиров населения и целей советского общества, оценки Афганской войны начинают меняться. Политика гласности, ослабление цензуры, снижение авторитета КПСС приводят к тому, что освещение Афганской войны идёт в двух противоположных ключах: «классическом», советском, и новом, направленным на критику Афганской войны. В 1989 г. выходит повесть С. Алексиевич¹¹ и другие произведения, не отличавшиеся стремлением восстановить полную объективную картину происходивших событий и ставящие своей задачей освещение «ярких» событий, связанных, в основном, с отдельными случаями жестокости советских военнослужащих. Также выходят работы В. Верстакова¹², О. Ермакова¹³, А. Боровика¹⁴¹⁵, стремившиеся не только описать ранее неизвестные факты из жизни советских военнослужащих в Афганистане, но и показать настоящий героизм, стойкость и мужество советского солдата.

Первый этап историографии Афганской войны отличается высокой степенью политической ангажированности. Авторы часто не стремились беспристрастно и полно отобразить ход боевых действий, причины войны,

³ Арунова М.Р., Ганковский Ю.В., Соколов А.Я. Россия и Афганистан. – М., 1989.

⁴ Басов В.В. Гражданская война или перемирие?//Новое время. – 1989. – №9. – С. 7-9.

⁵ Коргун В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. – М., 1983.

⁶ Коргун В.Г. История вооружённых сил Афганистана (1747-1977). – М., 1985.

⁷ Коргун В.Г. Ислам и национализм в Афганистане//Ислам и проблема национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. – 1986. – С. 86-103.

⁸ Пластун В.Н. Что принесла Афганистану Апрельская революция 1978 г.//Вестник АПН «Современная панорама». – 1981. - №5. – С. 1-3.

⁹ Пластун В.Н. Революционная власть и ислам в Демократической Республике Афганистан//Вестник АПН «советская панорама». – 1981. - №75. – С. 1-3.

¹⁰ Plastun V.N. Afghanistan in crisis//Afghanistan in crisis. – 1981. – P. 139-151.

¹¹ Алексиевич С. Цинковые мальчики. – М., 1989.

¹² Верстаков В. Прости за разлуку. Повести. – М., 1991.

¹³ Ермаков О. Афганские рассказы. -

¹⁴ Боровик А. Афганистан. Ещё раз про войну. – М., 1990.

¹⁵ Боровик А. Спрятанная война. – М., 1992.

её последствия, влияние боевых действий на участников и на советское общество. Авторы часто пренебрегали фактами, не вписывающимися в узкие политизированные рамки их трудов.

Тем не менее, в этот период предпринимается попытка исторического осмысления Афганской войны коллективом Института военной истории МО СССР в составе Н.И. Пинкова, Е.Г. Никитенко, Ю.Л. Тегина, Ю.М. Шведова¹⁶. В своей работе авторы задействовали большое количество отечественных и зарубежных источников, большая часть которых впервые была введена в научный оборот. На их основе, а также на базе данных периодической печати, авторы попытались взвешенно и непредвзято подойти к теме советского вторжения в Афганистан, его предыстории, формирования вооружённых отрядов оппозиции, боевых действий ОКСВ, их освещения в советских СМИ. Особое внимание уделяется авторами роли НДПА в апрельских событиях 1978 г. Для исследования был привлечён обширный фактический материал, в том числе свидетельства противной стороны. Была предпринята попытка сопоставить различные точки зрения на Афганскую войну. Вместе с тем, полностью отойти от советских идеологических штампов авторам не удалось: так, Апрельский переворот 1978 г. рассматривается с марксистско-ленинских позиций. В этот же период деятельность НДПА изучалась В. С. Сафрончуком¹⁷¹⁸.

Д. Гай и В. Снегирёв¹⁹ рассмотрели решение о вводе войск критически на основе информации, полученной от непосредственных участников событий. Ввод советских войск квалифицируется как «вторжение», а сами боевые действия называются «необъявленной войной» против Афганистана.

Второй период историографии Афганской войны характеризуется большим количеством вышедших воспоминаний военачальников, принимавших участие в афганских событиях: Б.В. Громова, Ю. Дроздова,

---

¹⁶ Пинков Н.И., Никитенко Е.Г., Тегин Ю.Л., Шведов Ю.Н. Война в Афганистане. – М., 1991.

¹⁷ Сафрончук В.С. Афганистан времён Тараки//Международная жизнь. – 1990. - №12.

¹⁸ Сафрончук В.С. Афганистан времён Амина//Международная жизнь. – 1991. - №1.

¹⁹ Гай Д., Снегирёв В. Неизвестные страницы необъявленной войны. – М., 1991.

В.А. Кирпиченко, М.А. Гареева, В.И. Варенникова и др.²⁰ Авторы мемуаров отходят от использования в изучении войны марксистско-ленинской концепции. Так, Б. Громов и А. Ляховский называют Апрельскую революцию «верхушечным переворотом».²¹²²

Авторы мемуаров привлекли к работе в своих исследованиях большое количество ранее недоступных архивных материалов, сделали выводы о причинах ввода советских войск в Афганистан, его последствиях, об особенностях ведения боевых действий и т.д.

Воспоминания военачальников не лишены недостатков: как участники военных действий они не могут полностью абстрагироваться от личной составляющей войны. Кроме того, каждый из них стремился оправдаться, переложить ту или иную часть ответственности за происходившие события на другого человека. Это накладывает определённые ограничения на использование их трудов в восстановлении полной картины происходившего на войне.

Особое место в ряду «аналитических» мемуаров занимают работы А.А. Ляховского.²³²⁴ Автор проделал огромный объём источниковедческой работы, пытаясь на имеющейся базе официальных и личного происхождения источников объяснить ошибки руководства СССР и ДРА, за которые пришлось заплатить страшную цену – человеческие жизни. А. Ляховский анализирует события Афганской войны в тесной взаимосвязи с предшествующими и последующими событиями. Также в группе мемуарных трудов необходимо выделить работы, написанные советскими и российскими дипломатами, например, С.Ф. Ахромеева и Г.М. Корниенко²⁵.

Афганская тематика на втором историографическом этапе не осталась в стороне и от профессиональных исследователей. Так, В.Н. Спольников

---

²⁰ Бекишиев А.А. Участие ограниченного контингента советских войск в Афганской войне 1979-1989 гг.: уроки и последствия. – Махачкала, 2000.

²¹ Громов Б.В. Ограниченный контингент. – М., 1993.

²² Ляховский А.А. Тайны Афганской войны. – М., 1991.

²³ Там же.

²⁴ Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М., 1995.

²⁵ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. – М., 1992.

исследовал тему оппозиционных сил в Афганистане, уделив большое внимание зарождению и формированию банд, их идейной подготовке и природе ведущейся ими борьбы. Различные стороны экономического и политического положения Афганистана, предпосылки Апрельского переворота рассмотрены в работах Ю. Ганковского и М. Аруновой. Исследование А.В. Филиппова²⁶ раскрывает особенности применения авиации в Афганской войне. Нужно также отметить труд Г.Ф. Кривошеева²⁷, содержащий большое количество статистических данных об Афганской войне. Процесс принятия постановления о вводе советских войск исследуется в главе книги Р.Г. Пихоя.²⁸

Знаковой датой, разделяющей второй и третий периоды развития историографии Афганской войны, является 2009 г. – время издания монографии А.А. Костыри²⁹, посвящённой источникам и литературе по Афганской войне с 1979 г. По сей день этот фундаментальный труд остаётся единственным полным историографическим исследованием темы Афганистана. А. Костыря не ограничился перечислением и описанием имеющихся источников и литературы – он выявил и классифицировал полемические сюжеты, что помогает историкам разобраться во всех дискуссионных вопросах. Было собрано и подытожено всё, что было известно об Афганской войне, что обнажило «белые пятна» как в базе источников, так и в научной литературе. Автор приходит к выводу, что Афганская война остаётся слабоизученной темой. По мнению Д. Верхотурова, проделанная автором работа показывает, что «есть острая нужда в новых работах, и монография воодушевляет исследователей на продолжение изысканий».³⁰

---

²⁶ Филиппов В.В. Боевые действия авиации в Республике Афганистан. – М., 1995.

²⁷ Кривошеев Г.Ф. Россия и СССР в войнах 20 в.: потери вооружённых сил. – М., 2001.

²⁸ Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. 40 лет после войны. 1945-1985. – М., 2007.

²⁹ Костыря А.А. Историография, источниковедение, библиография спецоперации СССР в Афганистане (1979-1989 гг.). – Донецк, 2009.

³⁰ Верхотуров Д. Научный этап изучения Афганской войны. – 2009.

Из современных исследователей Афганской войны следует отметить В.М. Топоркова³¹, занимающегося исследованием советско-афганских отношений на базе широкой источниковой базы, А.Ю. Умнова³², исследующего место Афганской войны в истории международных отношений, А.А. Жемчугова³³, предпринявшего попытку реконструировать события в Афганистане 1979 г., А.Ю. Умнова и И.Д. Яркова³⁴, представивших взвешенную оценку действий Пограничных войск КГБ СССР в годы Афганской войны и обстановки, в которой им приходилось выполнять поставленные задачи.

Характерной особенностью английской и американской историографии Афганской войны является акцент на противодействии США советской агрессии. Афганскую революцию английские и американские историки рассматривают как явление, спровоцированное СССР. Большое внимание уделяется действиям исламской оппозиции и военной составляющей афганских событий. Афганская тематика изучается в США в Центре исследования Среднего Востока и Центре исследования Центральной Азии Гарвардского университета.³⁵

Важнейшими работами английских авторов по афганскому вопросу следует считать работы Родрика Брейтверта³⁶ и Грегори Фейфера³⁷. Наибольший интерес представляет работа Фейфера, в которой проводится новаторское сравнение войны в Афганистане и антитеррористической операции международной коалиции, проводимой с 2001 г., а также подчёркивает преемственность этих двух военных конфликтов, их взаимосвязь.

Также в числе работ иностранных исследователей следует выделить работу швейцарских учёных Пьера Аллана и Дитера Клея³⁸, интересную

---

³¹ Топорков В.М. Тайная стратегия США в Афганистане 1979-1989 гг.//Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. - №26(167).

³² Умнов А.Ю. В фокусе Афганистан//Вестник МГИМО (университета). – 2010.

³³ Жемчугов А.А. Кому мы обязаны Афганистаном? – М., 2012.

³⁴ Сушкова О.А. Современное состояние отечественной историографии по деятельности пограничных войск КГБ СССР в Афганской войне//Глобальный научный журнал. – 2014. - №29(35). – С. 50-51.

³⁵ Христофоров В.С. Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979-1989 гг. – 2016.

³⁶ Брейтвирт Р. Афган: русские на войне. – М., 2013.

³⁷ Фейфер Г. Большая игра: Война СССР в Афганистане. – М., 2013.

³⁸ Аллан П., Клей Д. Афганский капкан. Правда о советском вторжении. – М., 1999.

широким использованием материалов зарубежных авторов, в том числе непосредственных участников афганских событий.

Из афганских историков, занимающих новейшей историей страны, следует выделить Хасана Какара, эмигрировавшего в Великобританию и издавшего там книгу об Афганской войне «Советское вторжение».³⁹

Историческая и культурная память об Афганской войне остаётся практически неисследованной темой. Исследования в этой области носят фрагментарный характер и не создают полного представления о том, как Афганская война воспринималась в 1990-е гг. разными социальными группами. За редким исключением, не имеется трудов, исследующих, какое место занимает Афганская война в исторической памяти народа нашей страны, в механизме восприятия, понимания и актуализации общества, в хранилище исторического опыта.

Имеется группа трудов, посвящённых культурной памяти об Афганской войне. Так, Т.В. Садовникова⁴⁰ стремится понять проблематику произведений участника войны О. Ермакова, определить границы, контуры авторского осмысления афганских событий. М.А. Храмова⁴¹ сделала попытку сравнить репрезентации советских солдат Афганской войны, формируемые в книгах А. Боровика и фильме «9 рота», созданных, соответственно, в 1999 и 2007 гг. Такой подход при расширении задействованного материала может помочь выявить динамику изменений образа «афганцев» в социальной памяти. Е.С. Петренко⁴² на основании данных всероссийских опросов выделила восемь групп населения РФ на основании их стиля жизни и отношения к событиям 1985-1999 гг., в том числе к Афганской войне.

---

³⁹ Христофоров В.С. Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979-1989 гг. – М., 2016.

⁴⁰ Садовникова Т.В. Поэтика Афганских рассказов О. Ермакова//Филологический класс. – 2013.

⁴¹ Храмова М.А. Образ солдата Афганской войны в публицистике и кинематографе (на примере книги А. Боровика «Спрятанная война» и кинофильма Ф. Бондарчука «9 рота»)//Огарёв-Online. – 2014.

⁴² Петренко Е.С. Стиль жизни и историческая память россиян о событиях 1985-1999 гг.//Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2011.

Огромное значение для историографии Афганской войны имеет монография Е.С. Сенявской⁴³, реконструирующая образ «человека воюющего», его мысли, чувства, мотивы поведения, а также изучающая то, как образ этого человека отложился в народной памяти. Источниковая база монографии включает в себя народный фольклор, письма, дневники, интервью. Е.С. Сенявская указывает, что личностный фактор военного конфликта изучен слабо, и Афганская война – не исключение.

Несмотря на большое количество работ по афганской тематике, действительную научную ценность представляют немногие. Отсутствует пласт исследований о моджахедах, боевом пути отдельных частей и соединений, не раскрыты до конца особенности менталитета афганского народа, вполне успешно противостоявшего советской армии, роли США и их союзников в итоговом уходе советских войск. Нет полной ясности к количеством боевых и небоевых, людских, материальных и моральных потерь советской армии и советского общества. Мало работ, ставящих своей целью рассмотрение культурной и социальной памяти об Афганской войне. В работе с афганской тематикой есть определённые сложности: к значительной части архивных материалов у рядового исследователя по-прежнему нет доступа.

Источниковую базу дипломной работы составляют мемуары и сборники воспоминаний, созданные в период 1990-1999 гг. Воспоминания участников в ситуации, сложившейся в источниковедении Афганской войны на настоящем этапе, являются важнейшим источником, который позволяет реконструировать как события этой войны, так и её образы в восприятии авторов.

В ходе проведения исследования, основываясь на результатах внешнего и внутреннего критического отбора, использовались мемуары следующих

---

⁴³ Сенявская Е.С. Психология войны в 20 в.: исторический опыт России. – М., 1999.

авторов: М.А. Гареева⁴⁴, Б.В. Громова⁴⁵, Ю. Дроздова⁴⁶, А.И. Лебеда⁴⁷, А.А. Ляховского и В.М. Забродина^{48,49}, А. Майорова⁵⁰, а также сборники воспоминаний, составленные и литературно обработанные П. Ткаченко и Ю. Тепловым⁵¹, В.В. Усмановым и Г.П. Устюжанином⁵², А.П. Житнухиным и С.А. Лыкошиным⁵³.

Сборник воспоминаний и дневников, составленный П. Ткаченко и Ю. Тепловым, является ценным источником для изучения послевоенного образа Афганской войны в памяти простых солдат и представителей младшего командного состава. Во введении к сборнику П. Ткаченко и Ю. Теплов ставят цель «восстановить правду трагического момента нашей истории во всей полноте». Книга включает воспоминания и дневники советских воинов, как выживших, так и павших. Воспоминания складываются в единый пласт коллективной памяти, поднимая проблемы физической и моральной реабилитации простых солдат и офицеров.

Несмотря на то, что сборник был издан ещё в Советском Союзе изданием «Молодая гвардия», составителей нельзя упрекнуть в политической предвзятости, т.к. П. Ткаченко, автор введения к сборнику, сам высказывает мысли, направленные на критику советского строя и его порядков, называя, к примеру, период официального освещения войны 1979-1987 г. «лозунговой тарабанщиной».

Ю. Теплов является действующим членом Союза писателей РФ, окончил военное училище и Литературный институт им. Горького. В качестве спецкора неоднократно бывал в командировках в Афганистане в ходе войны.⁵⁴ П. Ткаченко окончил Владикавказское высшее общевойсковое

⁴⁴ Гареев М.А. Моя последняя война. – М., 1996.

⁴⁵ Громов Б.В. Ограниченный контингент. – М., 1994.

⁴⁶ Дроздов Ю. Записки начальника нелегальной разведки. – М., 1995.

⁴⁷ Лебедь А.И. За державу обидно. – М., 1996.

⁴⁸ Ляховский А.А. Тайны Афганской войны. – М., 1991.

⁴⁹ Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М., 1995.

⁵⁰ Майоров А. Свидетельства главного военного советника. – М., 1996.

⁵¹ Афганистан болит в моей душе...: Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. – М., 1990.

⁵² Живая память Афгана. – Курган, 1999.

⁵³ Звезда над городом Кабулом. – М., 1990.

⁵⁴ Юрий Теплов: биографическая справка / LiveLib. – 2018. - <https://www.livelib.ru/author/158696-yurij-teplov>.

командное училище и Литературный институт им. Горького по семинару критики. Действующий член Союза писателей РФ. Отмечается, что отличительной чертой автора является изолированность от разного рода политических течений, чем частично объясняется низкая популярность его произведений среди массового читателя⁵⁵.

Также в исследовании задействован сборник воспоминаний, составленный С.А. Лыкошиным и А.П. Житнухиным. Он включает в себя дневники, рассказы и свидетельства участников Афганской войны, имеющие большое значение для реконструкции образа Афганской войны в памяти воинов-интернационалистов в первые послевоенные годы.

С.А. Лыкошин окончил литературный институт, трудился в журнале «Молодая гвардия», издательствах «Современник» и «Молодая гвардия»⁵⁶.

А. П. Житнухин окончил Московский областной педагогический институт им. Крупской, много лет посвятил изучению биографической литературы⁵⁷.

Третьим используемым сборником воспоминаний является труд Г. Устюжанина и В. Усманова, также имеющий большое значение для реконструкции социальной памяти.

В. Усманов на сегодняшний день занимает пост советника губернатора Курганской области, является участником боевых действий в Афганистане, дослужился до звания генерал-майора. Также является профессором и доктором педагогических наук⁵⁸. Г. Устюжанин окончил Шадринский сельскохозяйственный техникум, четыре года служил на Тихоокеанском флоте, после демобилизации занялся журналистикой, затем был избран секретарём Кетовского райкома КПСС. Позже был переведён на работу в Курганский обком КПСС заместителем руководителя отдела пропаганды и агитации. С мая 1983 г. в течение двух лет находился в Афганистане в

---

⁵⁵ Пётр Ткаченко [Электронный ресурс]: биографическая справка/LiveLib. – 2018. - <https://www.livelib.ru/author/213236-petr-tkachenko>.

⁵⁶ Умер Сергей Артамонович Лыкошин: информационное сообщение/Русское воскресение. – 2006. - <http://www.voskres.ru/info/sobinfo13.htm>.

⁵⁷ Житнухин Анатолий Петрович: биографическая справка/ЛитМир. – 2015. - <https://www.litmir.me/a/?id=33138>.

⁵⁸ Мы были в Афганистане для того, чтобы сохранить южные рубежи нашей страны в неприкосновенности / ИА Rex. - <http://www.iarex.ru/articles/45243.html>.

должности советника ЦК КПСС при ЦК НДПА. В 1992 г. Г. Устюжанин основал издательский дом «Парус-М», в котором и был издан сборник. Основным направлением деятельности издательства стала патриотическая и краеведческая литература⁵⁹. Стоит отметить, что Б.В. Громов, последний командующий 9-й армией, лично дал добро на издание сборника: в предисловии к нему имеется его автограф.

Б.В. Громов принимал участие в Афганской войне 5,5 лет. Именно под его руководством был осуществлён вывод советской армии из Афганистана. Военный конфликт стал для Громова хорошим толчком для развития карьеры. За этот период он был трижды повышен в звании и награждён медалью «Золотая звезда» с присвоением ему звания Героя Советского Союза. Б.В. Громов часто лично возглавлял боевые операции, выезжал на передовые позиции⁶⁰. За стремление проводить военные кампании с наименьшими людскими потерями заслужил подлинную солдатскую любовь. Афганистан, без сомнения, оставил след в душе Б. Громова, определив поведение и действия генерал-полковника в последующий период его военной и политической биографии. Б.В. Громова всегда отличала взвешенная и аргументированная позиция по любому вопросу. На протяжении всей послевоенной карьеры он выступал категорически против применения силовых методов решения конфликтов, часто находясь в конфронтации с центральной властью. В частности, Б. Громов выступал против применения силы в конфликте президента и депутатов Верховного Совета РСФСР в ходе конституционного кризиса 1993 г.⁶¹. Несогласие с политикой властей вынудило его написать рапорт об увольнении из рядов вооружённых сил.

---

⁵⁹ Устюжанин Геннадий Павлович: биографическая справка/Лица Зауралья. - <http://persona.kurganobl.ru/pisateli-zhurnalisti/ustyuzhanin-gennadij-pavlovich>.

⁶⁰ Цыбульский И.И. Борис Громов. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 512 с. (Серия «Жизнь замечательных людей. Биография продолжается»)

⁶¹ Варенников В. Дело ГКЧП. – М.: Эксмо, 2010. – 360 с.

М.А. Гареев в своей книге⁶² освещает события в Афганистане 1989-1990 гг. События периода после вывода ОКСВ из Афганистана анализируются во взаимосвязи с предшествующими событиями исходя из собственных воспоминаний автора. М.А. Гареев, доктор военных и исторических наук, является участником Великой отечественной войны, окончил Военную академию им. Фрунзе, с 1984 г. выполнял обязанности заместителя начальника Генерального штаба ВС СССР. С 1989 г. являлся главным военным советником в Афганистане, играл большую роль в планировании боевых операций штабом президента Мохаммада Наджибуллы.⁶³ Выступает категорически против фальсификаций в истории, считая, что во многом исторические искажения связаны с желанием внешних сил опорочить образ современной России.

Тем не менее, политическая карьера Б. Громова не закончилась. Так, он в течение 12 лет занимал пост губернатора Московской области, с 2003 г. является членом партии «Единая Россия». Деятельность Громова на посту губернатора носит противоречивый характер: с одной стороны, социальная политика в регионе вышла на качественно новый уровень, большое внимание было уделено развитию спорта и, в чём особенно явно прослеживается влияние Афганистана, поддержке ветеранов боевых действий.⁶⁴ С другой стороны, губернатор и его окружение неоднократно обвинялись в коррупции и различных финансовых махинациях. Характеризует Б. Громова как личность высказывание В. Алексева, бывшего депутата Московской областной думы: «Практически с первого дня, когда Громов стал губернатором, у нас возникло взаимодействие... Борис Всеволодович очень серьезно относится к любой работе, к её качеству, к актуальности, необходимости... Он умеет слушать и умеет учитывать мнение других, соглашаться с чужой точкой зрения». На момент

⁶² Гареев, М.А. Моя последняя война [Электронный ресурс]: мемуары/М.А. Гареев. – М., 1996. – http://militera.lib.ru/memo/russian/gareev_ma/index.html.

⁶³ Махмут Гареев [Электронный ресурс]: биографическая справка/LiveLib. – 2018. – <http://www.livelib.ru/author/507031-mahmut-gareev>.

⁶⁴ Соколова, А.В. Корпорация «Подмосковье»: как разорили самую богатую область России [Текст]: журналистское расследование/А.В. Соколова. – М.: Эксмо, 2011. – 221 с.

написания мемуаров Б.В. Громов, как действующий сотрудник Министерства обороны РФ, имел доступ в Президентский архив, на материалах которого и строится его исследование.

Мемуары Б. Громова занимают одно из главных мест в изучении социальной памяти участников. В них проанализированы причины, ход и последствия Афганской войны. Автор стремится объективно излагать события, коих он сам был свидетелем. Он заявляет: «...Я внимательно слежу за публикациями о 40-й армии и довольно часто ловлю себя на мысли, что они подготовлены людьми в большей степени пристрастными, чем компетентными. Наверное, правду об Афганской войне никто, кроме бывавших там, так и не расскажет. Именно это подтолкнуло меня написать о событиях, в которых я принимал непосредственное участие». Следует отметить, что в работе Б. Громову помогал военный журналист С. Богданов, также лично бывавший в Афганистане в годы войны.

В первой книге А.А. Ляховского содержатся подлинные документы и материалы, связанные с вводом ОКСВ в Афганистан. Автор провёл анализ военно-политической обстановки перед началом операции, состава руководства и армии ДРА, афганской оппозиции. Целью своего труда А.А. Ляховский поставил как можно более объективное освещение «белых пятен» Афганской войны, документальное опровержение слухов и спекуляций на эту тему. Вторая книга А. Ляховского предлагает авторский взгляд на причины, ход и последствия Афганской войны. Производится анализ противоречащих друг другу шагов «перестроечного» правительства в отношении Афганистана и участников войны, восприятия «афганцами» предложенной им политики национального примирения. Произведения А.А. Ляховского дают относительно полный анализ описываемых событий. В то же время, мемуары пронизаны личным восприятием автором Афганской войны, душевной болью и обидой, что даёт широкие возможности для исследования социальной памяти участников войны.

А.А. Ляховский окончил Бакинское высшее общевойсковое военное училище, являлся членом Союза писателей. В 1987-1989 гг. находился в составе оперативной группы Министерства обороны СССР в Афганистане, являясь с 1988 г. ближайшим помощником её руководителя В. Варенникова. Был награждён орденом Красной Звезды, орденом «За службу Родине» 3-й степени, тремя орденами ДРА и 16-ю медалями.⁶⁵

Мемуары Ю. Дроздова представляют из себя снятие грифы «секретно» со многих событий военного и послевоенного времени. Автор даёт анализ общественно-политической обстановки, сложившейся в России в 1990-е гг. Восприятие войны сотрудником КГБ, которым являлся Ю. Дроздов, отличается от восприятия армейских офицеров. Для работника секретной службы война и многочисленные смерти – рабочая рутина, но не психологическая травма.

Ю.И. Дроздов прошёл трудный карьерный путь от оперуполномоченного до начальника управления «С» 1-го главного Управления КГБ СССР. За свою жизнь поучаствовал во многих секретных операциях, имел правительственные награды СССР, ГДР, Польши, Кубы, Афганистана.⁶⁶ Именно Ю. Дроздов руководил операцией по штурму дворца Амина, имел непосредственное отношение к созданию группы «Вымпел»⁶⁷ - разведывательно-диверсионного подразделения внешней разведки, предназначенного для использования в «особый период». На момент написания мемуаров, по собственному выражению, занимался предпринимательской деятельностью, возглавляя аналитический центр «Намакон»⁶⁸.

Отличительной особенностью мемуаров А.М. Майорова является использование уникальных документов из личного архива автора. Всего же

---

⁶⁵ Памяти друга [Электронный ресурс]: некролог/Независимая газета. – 2009. - http://nvo.ng.ru/history/2009-02-06/13_Lyahovskii.html.

⁶⁶ Дроздов Юрий Иванович [Электронный ресурс]: биографическая справка/Служба внешней разведки Российской Федерации. – 2017. - <http://www.svr.gov.ru/history/droz dov.htm>.

⁶⁷ Север, А. Спецназ КГБ [Текст]: монография/А. Север. – М.: Яуза, 2008. – 800 с.

⁶⁸ Памяти командира, учителя и старшего товарища... [Электронный ресурс]: некролог/Служба внешней разведки Российской Федерации. – 2017. - <http://svr.gov.ru/smi/2017/pressreliz21062017.htm>.

за годы службы А.М. Майоров скопил более шести тысяч страниц личного архива. Воспоминания автора по манере изложения напоминают исповедь. Они ориентированы не только на освещение боевых действий и политических событий, но и на определение места личности на войне. Возможно, именно поэтому выход книги обеспечило издание «Права человека», основанное в 1995 г., отстаивающее и поныне принцип превосходства общечеловеческих ценностей над национальными.⁶⁹

А.М. Майоров в 1980-1981 гг. занимал пост главного военного советника вооружённых сил ДРА и, одновременно, первого заместителя главкома сухопутных войск СССР. В этом качестве он спланировал и осуществил первые общевойсковые операции ВС СССР на территории Афганистана в кооперации с ВС Афганистана.⁷⁰

Начальный период Афганской войны (1980-1982 гг.) также освещён в мемуарах А.И. Лебеда. Эти воспоминания не посвящены конкретно истории Афганской войны и охватывают большой период жизни автора с ранних лет до путча 1991 г. Тем не менее, Афганской войне в мемуарах А. Лебеда уделено внимание.

А.И. Лебедь находился в Афганистане в период с 1981-1982 гг., командуя 1-м батальоном 154-го отдельного парашютно-десантного полка. В 1982 г. был ранен в ногу, рана долго не заживала, что стало поводом для его перевода из Афганистана. В дальнейшем, А.И. Лебедь участвовал в защите Верховного Совета от ГКЧП, участвовал в президентской гонке 1996 г., набрав 14,7% голосов избирателей, сыграл большую роль в урегулировании вооружённого конфликта в Приднестровской Молдавской Республике. С 1996 г. занимал пост секретаря Совета безопасности РФ с «особыми полномочиями». В 1998-2002 гг. А. Лебедь занимал пост губернатора Красноярского края. В 2002 г. трагически погиб при крушении вертолёта.⁷¹

⁶⁹ Издательство Human Rights Publishers: справка/Лаборатория фантастики. – 2014. - <http://fantlab.ru/publisher4047>.

⁷⁰ Александр Майоров: биографическая справка/Human Rights Publishers. – 2014. - <http://www.hrpublishers.org/ru/nashi-avtory/288.html>.

⁷¹ Поляков, А. Лебедь Александр Иванович: биографическая справка/РИА новости. – 2011. - https://ria.ru/history_spravki/20110829/426134884.html.

Таким образом, основным типом источников, задействованным в данном исследовании, являются источники личного происхождения: мемуары и воспоминания. Данный тип источников отличается определённой спецификой. Также специфична методика работы с ним. Мемуары – литературный жанр, отличающийся документальностью и, в то же время, тип исторических источников, отличающийся литературностью и субъективизмом.⁷²

В литературоведческом аспекте мемуары сложились в особый художественный жанр, имеющий ряд разновидностей. В источниковедческом аспекте мемуары – особый вид письменных источников, отражающих понимание автором прошедшей действительности и его историческое самосознание. В воспоминания ярко проявляется дуалистическая природа исторических источников. С одной стороны, мемуары фиксируют информацию о прошлом и, следовательно, являются её отражением, а с другой – представляют собой часть (документальный остаток) той эпохи, в которой они возникали. В социокультурном аспекте мемуары представляют собой своеобразный феномен культуры, отражающий общественную активность людей прошлого, стремившихся запечатлеть события так, как они их понимали и осмысливали.

Важным признаком мемуаров является их ретроспективность, т.к. «они всегда возникали после описываемых событий и всегда обращены в прошлое». А.Г. Тартаковский подчёркивал, что «отношение мемуариста к событиям в период их свершения и в момент создания мемуаров не всегда совпадает».⁷³

Очевидно, что поскольку мемуары писались по прошествии определённого количества времени после окончания события, у авторов могло произойти смещение акцентов или переоценка происходившего под влиянием изменившейся общественной обстановки и утраты точных

---

⁷² Данилевский, И.Н. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории [Текст]: учебное пособие/И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.Ю. Медушевская. – М., 2004. – 702 с.

⁷³ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика 18-первой половины 19 в. – М., 1981. – С. 6.

сведений в силу возраста. Это положение породило один из основных спорных моментов мемуаристики – вопрос о научной ценности мемуаров. М.Н. Черноморский отмечал, что субъективность мемуаров не снижает их ценности как исторических источников и не должна препятствовать широкому использованию их в работе.⁷⁴

Мемуары необъективны, и этот факт привлекает исследователей социальной и культурной памяти, ведь воспоминания – это не сухое повествование, но также проявление личности автора, его человечности. Это обвинение, неприятие, оправдание, злость и т.п. Мемуары – своеобразная исповедь человека о своей жизни. Мемуары дают возможность понять отношение человека к событиям его времени.

В целом, к мемуарам применим общий комплекс источниковедческого анализа. Однако, прежде чем использовать источник непосредственно в работе, нужно провести внешнюю и внутреннюю критику источника, позволяющую установить правомерность использования конкретного труда в работе. Основными проблемами, которые следует решить, следует считать проблемы времени создания (контекста), истории создания, авторства. Так, А.Г. Тартаковский настаивал на повышенном внимании к личности мемуариста, окружавшей его среды и тому времени, когда создавались воспоминания.⁷⁵ Необходимо также обратить внимание на политические взгляды автора, особенности его характера и психики, если такая возможность имеется. Не менее важна оценка побудительных мотивов создания мемуаров и вероятности политического заказа.

Таким образом, воспоминания предоставляют широкие возможности исследователю как для изучения событийной истории, так и для изучения социальной памяти. Однако, их эффективный анализ предусматривает следование ряду методологических правил, а именно:

---

⁷⁴ Черноморский М.П. Мемуары как исторический источник: учебное пособие по источниковедению СССР. – М., 1959.

⁷⁵ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика 18-первой половины 19 в. – М., 1981.

1. Составление политического портрета автора на базе сторонних источников,
2. Изучение политического и социального контекста момента написания и издания воспоминаний,
3. Оценка сторонних факторов, повлиявших на работу автора.

Исследование проводится в соответствии с методологией истории памяти. Социальная память – это живая система, растущая с каждым днём, «питающаяся» воспоминаниями, литературой, музыкой и т.д. Первая систематическая концепция коллективной памяти была предложена французским социологом М. Хальбваксом, согласно которой коллективная память – это особая форма социально конструируемой и поддерживаемой индивидуальной памяти, изменяющаяся в зависимости от потребностей и связей внутри группы.⁷⁶ Идеи М. Хальбвакса о памяти как о социальном феномене получили дальнейшее развитие в работах Я. Ассмана, усложнившего понятие социальной памяти разделением её на «коммуникативную» и «культурную».⁷⁷

Реконструктивная форма памяти характеризуется целенаправленным использованием знаковых систем как основных средств для сохранения и восстановления памяти.⁷⁸ К основным носителям памяти следует отнести сознание живущих людей, т.е. память о социальных действиях самих участников событий, а также отчужденные от сознания овеществлённые источники знаковой информации и средства её передачи (памятники, мемуары).

Исследование социальной памяти всегда предполагает исследование контекста, социального и политического. Память формируется под воздействием множества факторов, и контекст её формирования играет важнейшую роль в её становлении.

---

⁷⁶ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. – М., 2005.

⁷⁷ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М., 2004.

⁷⁸ Нора П. Память, история. – М., 1989.

Другим важным фактором формирования памяти является опыт каждого конкретного индивида. Восприятие индивидом исторического события, участником которого он является, индивидуально и определяется тем жизненным опытом, который ему дало это событие. Однако, по мере удаления индивида от события (явления), его память о нём становится всё менее индивидуальной, приобретая признаки коллективной.⁷⁹

В научной среде существует мнение, что история – лишь форма памяти, формируемая непосредственно в ходе события. Однако, это утверждение вступает в противоречие с базовой идеей истории памяти М. Хальбвакса о коллективном характере памяти, ибо память, формируемая непосредственно в момент явления, события индивидуальна и становится коллективной лишь с течением времени под воздействием социального окружения, воздействия СМИ и других факторов. При этом память, формируемая сразу после окончания события, условно называется «горячей» памятью. Она обладает как коллективными признаками, объединяющими ту или иную социальную группу, так и признаками, характерными для памяти индивидуальной.

Исследование проводится с использованием историко-сравнительного, историко-типологического, дискурс-анализа, контент-анализа методов. Также использованы методы внешней и внутренней критики источников.

Объектом ВКР является социальная память ветеранов об Афганской войне.

Предметом ВКР являются нарративные образы Афганской войны в социальной памяти ветеранов.

Хронологические рамки исследования охватывают 1989-1999 гг. Нижняя хронологическая граница объясняется повсеместным отходом от советских идеологических штампов в восприятии Афганской войны, а также выходом в свет первых мемуаров. Верхняя хронологическая граница объясняется сменной вектора государственного развития Российской Федерации, повлёкшая за собой

---

⁷⁹ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М., 2004.

изменения отношения общественности к Афганской войне и, как следствие, к изменению социальной памяти участников.

Территориальные рамки охватывают территорию СССР в целом, что связано с местом проживания авторов мемуаров и воспоминаний в период 1989-1999 гг.

Целью ВКР является реконструкция образа Афганской войны в памяти участников 1989-1999 гг.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

-осветить общественно-политическую ситуацию в СССР и России в 1989-1999 гг.,

-исследовать особенности войны, организации советской армии на основании воспоминаний участников,

-изучит причины войны, мотивацию к ведению боевых действий на основании воспоминаний участников,

-реконструировать психологический портрет советского солдата и офицера времён Афганской войны,

-изучить отношение участников к итогам войны и выделяемые ими последствия.

Исследование состоит из введения, пяти разделов, заключения, списка использованных источников и литературы, двух приложений.

Оглавление

Введение.....	1
Раздел 1.....	22
Раздел 3.....	32
Раздел 4.....	37
Раздел 5.....	44
Раздел 6.....	50
Заключение.....	61

Раздел 1.

Социальная память является продуктом своего времени, формируясь под воздействием «внутренних», индивидуальных, факторов, подразумевающих опыт индивидов, и «внешних», под которыми подразумеваются воздействие на память общественно-политической ситуации, общественных настроений, доминирующего дискурса СМИ, государственной политики и т.д.

Российское общество изучаемого периода является во многом переходным, т.к. произошла ломка советских социальных, политических ценностей, господствовавших в сознании людей более 70 лет. Ломка советских догм не была безболезненной и приобрела форму масштабного идеологического и культурного кризиса 1990-х гг.

Кризис советской идеологии наметился ещё в хрущёвские годы⁸⁰. Это был кризис сталинской формы идеологии, основанной непосредственно на выдающихся свойствах личности вождя. Мощный брежневский идеологический механизм, работавший под руководством Суслова, предпринимал попытки этот кризис преодолеть, и частично ему это удалось. Сталинская вульгаризация философии была раскритикована, в идеологию хлынули достижения науки. Был облегчён доступ рядового читателя к западной философии и культуре. Эти меры способствовали росту авторитета государственной идеологии среди населения, однако, вместе с тем, такая тенденция вела к снижению авторитета идей марксизма-ленинизма, его оттеснение на второстепенные роли в самой идеологии. Преодолев недостатки и кризисные явления идеологического кризиса, вызванного смертью Сталина, сусловский идеологический аппарат невольно способствовал подготовке гораздо более обширного идеологического кризиса – кризиса марксизма-ленинизма. Расхождение между реальностью и идеологической картиной реальности, объективными тенденциями развития реального коммунизма и

---

⁸⁰ Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. – М., 2003.

идеальными идеологическими построениями, между интеллектуальным уровнем научной элиты и идеологией стали осознаваться даже властными структурами. По сути, идеология перестала являться для власти указанием к действию. Её использование сводилось к выполнению роли ширмы для прикрытия различных решений. Идеология марксизма становилась предметом многочисленных насмешек. Миллионы людей изучали её в школах, техникумах и институтах, но сугубо формально.

Коммунистический строй несёт освобождение трудящимся от зол капитализма, трудящиеся всех стран поддадутся обаянию коммунистического рая и пойдут вслед за большевиками – такие убеждения доминировали в советском обществе в сталинский период⁸¹. Однако, брежневское поколение сделало для себя историческое открытие: коммунистический земной рай не является таким, каким его описывает советская идеологическая машина. На смену уверенности в истинности коммунистических идей пришло прагматическое отношение к идеологии как к средству обработки и организации сознания общества.

Политика гласности, проведение которой инициировал М.С. Горбачёв, лишь углубила и расширила имевшийся культурный кризис. Началось безудержное и бесконтрольное распространение западных идей и ценностей, критика советского прошлого, осмеяние советской реальности. Любая защита советских идей рассматривалась доминирующим общественным дискурсом как признак отсталости и реакционности. Было отменено изучение марксизма-ленинизма в учебных заведениях, ликвидированы соответствующие семинары.

Отказ от веры в марксистские идеалы захватил самые верхи советского строя. Дискредитация идеологии стимулировалась правящими кругами. Марксизм не был переосмыслен и преодолён на научной почве, он был попросту отброшен как нечто непригодное для использования. Однако, «верхняя» инициатива лишь дала толчок к развитию кризиса. Он стал развиваться стихийно, и скоро власть потеряла над ним всякий контроль.

---

⁸¹ Мерцалов А., Мерцалова Л. Сталинизм и цена победы//Сталинизм и война. – М., 1998. – С. 370-394.

Откинув идеи марксизма-ленинизма как морально устаревшие, перестроечное руководство не сделало таким руководством научное знание. Перестройка дала учёному сообществу простор для творчества, освободив их от идеологических пут и наделив самостоятельностью, однако, «науки», готовой стать новой государственной идеологией, в СССР не было. Советские учёные оказались неспособными в условиях резких общественных изменений предложить знание, отвечающее критериям современности.

Ещё одним фактором кризиса стала масштабная урбанизация советского общества и объективные предпосылки для недовольства граждан своим жизнеустройством. По мере того, как жизнь входила в мирное русло и становилась более городской, узкий набор «признанных» потребностей стал ограничивать, а потом и угнетать разные части общества. Расширившиеся контакты с западной культурой способствовали укоренению в сознании советских граждан образа «идеального Запада». Неприятие этого образа людьми старших поколений лишь усилило дрейф к западным ценностям.

Осознание того, что застой в культуре и идеологии ведёт к всё большему разрыву между восприятием жизни людьми и официальной пропагандой, запоздало, хотя и всё-таки произошло у советского руководства. Так, Ю.В. Андропов в своей речи на пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 г. сказал: «Если говорить откровенно, мы ещё до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором мы живём и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические»⁸². Однако, адекватных мер по преодолению этого разрыва принято не было.

На читателей обрушился поток разнообразной литературы, которая раньше считалась антисоветской. Формировался совершенно непривычный для советского читателя образ собственной страны: рассказывалось об ужасах Гражданской войны, трагедии эмиграции, тяжёлом положении рабочих и колхозников. Сама революция стала многими именоваться переворотом. Как

---

⁸² Речь Ю.В. Андропова на Пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 г. (сокращённый текст для произнесения) с пометками. – 1983.

обычно бывает после падения одной доминанты, ей на смену приходит прямо противоположная. Критика, часто эмоциональная, стала затрагивать буквально всё, так или иначе связанное с Советским Союзом, в том числе Афганскую войну. Кризис ценностей пришёлся на время, когда СССР вёл «необъявленную войну» с исламской оппозицией в Афганистане. Афганская война являлась следствием брежневской внешней политики и тесно ассоциировалась в массовом сознании с эпохой застоя.

В советской прессе стали появляться критические статьи о советском участии в этой войне. На 2 съезде народных депутатов СССР в декабре 1989 г. было принято Постановление о политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан – в нём декларировалось, что вторжение в Афганистан заслуживает политического и морального осуждения⁸³. В прессе установился образ воинов-интернационалистов как «захватчиков, карателей, мародёров, наркоманов». Во многих популярных средствах массовой информации, а также в большом количестве публицистических изданий, «афганцы» из героев и защитников превратились в бездельников и убийц. Тексты об Афганской войне стали носить, в основном, негативный характер, появились сообщения о неудачах и трудностях армии, мнения о бессмысленности и бесчеловечности военных действий.

Большое влияние на формирование общественных настроений имела также «либеральная» точка зрения на Афганскую войну, суть которой сформулировал А. Сахаров на 1 Съезде народных депутатов СССР: «...Когда речь идёт об Афганской войне, то я опять же не оскорблю того солдата, который проливал кровь и героически выполнял свой приказ... Речь идёт о том, что сама война в Афганистане была преступной, преступной авантюрой, предпринятой неизвестно кем, и неизвестно, кто несёт ответственность за это огромное преступление Родины»⁸⁴. «Патриотическая» оценка Афганской войны сохранялась и оказывала определённое влияние на формирование социальной

---

⁸³ Из сообщения Комитета Верховного Совета СССР по международным делам о политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан. – 1989.

⁸⁴ Выступление академика А.Д. Сахарова на Первом Съезде народных депутатов СССР 9 июня 1989 г. – 1989.

памяти ветеранов. Суть этой оценки была сформулирована А. Прохановым: Афганская война была необходима СССР с целью недопущения перехода Афганистана в зону влияния США в контексте глобального геополитического противостояния двух сверхдержав. Таким образом, советские солдаты жертвовали собой ради общего нужного блага, ради безопасности южных рубежей страны.⁸⁵

«Либеральная» позиция, таким образом, однозначно рассматривает Афганскую войну как преступление, что автоматически делает «афганцев» его соучастниками. Эта оценка имеет нравственный характер, её смысл заключается в том, что ответственность за начало Афганской войны лежит не только на непосредственных участниках, но и на всём обществе в целом. Однако, реальность показала, что общество оказалось не готово принять на себя ответственность за это событие, результатом чего стала полное взваливание ответственности за афганские события на их непосредственных участников в подавляющем числе изданий.

При этом, с 1991 г. отмечался определённый сдвиг в отношении общества к «афганцам», что было связано с их участием в защите Белого Дома, нежеланием участвовать в кровопролитии. Однако, качественная реабилитация «афганцев» в общественном мнении произойдёт уже в начале 2000-х гг.

Помимо идеологического кризиса, социально-политический контекст формирования изучаемого среза социальной памяти подразумевает отсутствие цензуры. Политика гласности, проводимая в Советском Союзе, вкупе с последующими политическими событиями, принесла качественно новую ситуацию в плане свободы слова и печати. Запрет деятельности КПСС принёс в отечественные СМИ радикальные изменения их структуры. Указ президента от 11.12.1991⁸⁶ предоставил права и дал гарантии безопасности печати и распространения по стране любых изданий, которые могли выражать взгляды любых политических сил, не противоречащих конституционным нормам.

---

⁸⁵ Проханов А. Последний солдат империи. – М., 1993.

⁸⁶ Указ о мерах по защите свободы печати в РСФСР. – М., 1991. – <http://docs.cntd.ru/document/9013232>.

Помимо установления плюрализма мнений, в прессе шёл процесс перехода к свободным рыночным отношениям. Происходило утверждение форм собственности на издательства и СМИ. Издательствами теперь владели частные лица, и они отражали, в первую очередь, интересы своих хозяев. Ориентированность издательств на коммерческую прибыль привела к тому, что авторы часто не стремились объективно отражать как актуальные события недавнего прошлого, так и окружающую действительность, играя на интересах читающей публики в погоне за ложными сенсациями.

Огромное влияние на формирование социальной памяти «афганцев» в 1990-е гг. оказала государственная социальная политика. Государственная социальная политика в отношении ветеранов Афганистана хронологически делится на три периода: 1979-1983 гг., 1983-1988 гг., 1988 -1994 гг., 1994-н.в. На первом этапе права за участниками Афганской операции на льготы и привилегии не признавалось. Второй этап характеризуется получением участниками «права на льготы», закреплённого в официальных документах «ограниченного доступа». На третьем этапе государственная политика приобрела пропагандистский характер: участники боевых действий получили статус «воинов-интернационалистов». Четвёртый этап связан с принятием Закона «О ветеранах» в 1994 г. «Афганцы» получили статус ветеранов боевых действий. Однако, правовое обеспечение социальной политики в отношении ветеранов предполагало сохранение скрытой дифференциации между «ветеранами боевых действий» и ветеранами Великой Отечественной войны. «Настоящей» войной остаётся лишь Великая Отечественная.

Изменение правового обеспечения политики в отношении ветеранов сопровождалось также изменением механизмов её осуществления. По этому параметру также можно выделить четыре этапа: 1979-1983 гг., когда отсутствовали социальные льготы для участников Афганской войны, 1983-1991 гг., когда механизмом реализации социальной политики стали

«индивидуальные» льготы, 1991-1995 гг.⁸⁷, когда широко применялась практика «коллективных» льгот, получаемых крупными общественными объединениями ветеранов-«афганцев». Льготы предоставлялись, в основном, на торговую, производственную и предпринимательскую деятельность.

Государство было вынуждено отказаться от практики использования «коллективных» льгот ввиду сложной экономической ситуации в стране и слабым центральным контролем за расходованием средств, приводивших к нецелевому расходованию льгот руководствами «афганских» комитетов.

Следующим этапом развития механизмов государственной социальной политики стал 1995-2000 гг., когда социальное положение воинов-интернационалистов вновь стало определяться «индивидуальными» льготами. Однако, механизм реализации ветеранской политики, закреплённый в ФЗ «О ветеранах»⁸⁸, оказался неэффективен ввиду финансовой необеспеченности льгот.

Таким образом, для государственной социальной политики в отношении воинов-«афганцев» характерна неэффективность, эксперименты с политикой «коллективных» льгот, хроническое запаздывание. Социальная политика в отношении ветеранов Афганистана носила не универсальный, двойственный характер, что способствовало укоренению среди «афганцев» мнения об их предательстве со стороны государства.

Изменение официального дискурса в отношении оценки войны в Афганистане с позитивного на негативный было закреплено в резолюции 2 Съезда народных депутатов СССР.⁸⁹ Тем не менее, государство продолжило курс на сокрытие многих данных об Афганской войне. Многие архивы в 1990-е гг. были засекречены. Этот факт позволял существовать большому количеству слухов и спекуляций на тему Афганской войны, негативно влиявших на восприятие войны ветеранами в 1990-е гг.

---

⁸⁷ Данилова Н.Ю. Коллективные действия участников войны в Афганистане в контексте социальной политики. – Саратов, 2003.

⁸⁸ Федеральный закон от 12.01.1995 №5-ФЗ «О ветеранах». – 1995.

⁸⁹ Овсяян, Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – 90-е гг.). – М., 1999.

Важнейшим фактором формирования социальной памяти участников боевых действий в Афганистане является опыт каждого из них, полученный на этой войне, а также осмысление каждым конкретным индивидом этого опыта. Т.к. объектом исследования является память, формировавшаяся непосредственно после вывода советских войск из Афганистана, недооценивать роль «внутренних факторов» в её формировании нельзя. Так, индивидуальная память ветерана зависит от того, на каком этапе войны он пребывал в Афганистане, а также от восприятия им идей официальной пропаганды.⁹⁰

В ходе Афганской войны можно условно выделить четыре периода:

- 1) Декабрь 1979 – февраль 1980. ОКСВ размещён по гарнизонам. Задачи – контроль положения в больших городах, охрана мест дислокации войск. Военные операции не проводились, но нападения и обстрелы со стороны моджахедов случались. Потери за 1980 г. – 1500 человек убитыми.
- 2) Март 1980 – апрель 1985. Проведение активных боевых действий и крупных операций совместно с войсками ДРА. Отход отрядов афганской оппозиции в горные районы. Большие потери советских войск: за 1982 г. – ок. 2000 человек, в 1985 г. – более 2300.
- 3) Май 1985 – декабрь 1986. Интенсивность боевых действий снижается. Операции проводятся армией ДРА при активной поддержке советской артиллерии и авиации. Акцент на перехвате караванов с оружием силами спецподразделений и авиации.
- 4) Январь 1987 – февраль 1989. Проводятся операции по разгрому банд боевиков в провинциях Кабул, Кандагар, Нангархар, Логар. Ведётся подготовка мирного урегулирования конфликта при поддержке ООН. 15 февраля – начало вывода всех советских воинских формирований из Афганистана.

Освещение Афганской войны в крупных советских СМИ шло в два этапа – от «закрытой войны» до «открытия обществу». На первом этапе, с 1979 по 1985 гг., упоминания о солдатах, участвовавших в боевых действиях в Афганистане,

⁹⁰ Боровик А. Спрятанная война. – М., 2000.

были очень умеренными и содержались в основном в информационных материалах.⁹¹

27 Съезд ЦК КПСС сделал 1986-й год ключевым в истории СССР. Провозглашались принципы демократии и гласности, кроме того, войну в Афганистане было решено вести не военным, а политическим путём.⁹² Тем самым, центральной проблемой СМИ стала тема урегулирования «афганской проблемы». «А мы должны вести себя так, чтобы они (армия и власти ДРА) больше брали на свои плечи», - сказал М.С. Горбачёв на заседании Политбюро 26 июня 1986 г. Газеты стали смелее подходить к выбору тем, особенно «Косомольская правда» и «Огонёк». Газета «Правда» лишь после вывода советских войск осмелилась опубликовать первый материал о ветеранах – «Афганская боль».

На втором этапе для правительственных СМИ важно было не допустить отождествления решения о вводе войск с обязанностями солдат выполнять приказ. Афганская война оценивалась исключительно как политическое событие, ответственность за которое несло прежнее советское руководство. Так, 9.02.1988 в «Комсомольской правде» было опубликовано заявление Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачёва: «Теперь о наших ребятах, о наших воинах в Афганистане. Они честно выполняли и выполняют свой долг, проявляя при этом самоотверженность и героизм. Наш народ глубоко уважает тех, кому довелось нести воинскую службу в Афганистане... Память о тех, кто погиб в Афганистане, для нас священна»⁹³.

О солдатах писали, как о героях, так как официальная риторика воспроизводилась в государственных СМИ. Официальная пропаганда влияла на формирование социальной памяти как в соответствии с поставленными перед ней властями задачами, так и косвенно, пробуждая в бойцах чувство апатии и бессмысленности происходившего на войне ввиду несоответствия положений

---

⁹¹ Овсепян, Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – 90-е гг.). – М., 1999.

⁹² 27 Съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчёт. – М., 1986.

⁹³ Авдоница Н. Исполнившие интернациональный долг. – М., 2001.

доставляемой на фронт литературы и реальности, в которой они находились в Афганистане.

Таким образом, наиболее существенными факторами, повлиявшими на формирование социальной памяти воинов-интернационалистов в 1989-1999 гг., стали доминирующий антивоенный и антисоветский публицистический дискурс, ставший следствием идеологического и культурного кризиса советского государства, а также официальная пропаганда войны 1979-1989 гг. вкупе с личным опытом каждого индивида, пережитым и воспринятым на войне.

Раздел 3.

Анализ особенностей Афганской войны встречается в воспоминаниях солдат и офицеров младшего командного состава сравнительно редко. Тем не менее, в тексте не раз встречаются мысли о невозможности плена, размытии понятия «тыл», высоком проценте гибели младших офицеров, особенностях тактики.

В воспоминаниях солдат часто прослеживается мысль о невозможности плена, отношение к которому в среде советских солдат было крайне негативным. Так, С. Фролов писал: «Ну, а плен – страшнее этого не бывает».⁹⁴ Такое отношение можно объяснить как активной деятельностью советской пропаганды, так и реальными случаями зверских расправ исламистов над военнопленными. Слухи о таких происшествиях разносились быстро, приобретая ужасающие смысловые формы.

Многие ветераны обращали внимание на следующую особенность Афганской войны: высокий процент гибели лейтенантов, младших командиров. Н. Фомин приводит статистику, что этот процент составлял до 98%.⁹⁵ Действительно, младший командный состав, командуя подчинёнными и имея дело с хорошо вооружённым и обученным противником, часто выдавал себя, становясь желанной мишенью вражеских стрелков. Гибель командира зачастую означала для воинской части остановку наступления или дезорганизацию обороны.

Рассуждая об особенностях Афганской операции, её ветераны говорят также о том, что в Афганистане, в условиях партизанской войны, ведущейся местным населением, когда на сторону противника может встать любая деревня, размывалось понятие тыла. Отмечается, что ситуация зачастую складывалась таким образом, что там, где был тыл, образовывалась передовая. Объясняется это тактикой действий моджахедов, не рисковавших

---

⁹⁴ Афганистан болит в моей душе...: Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. – М., 1990.

⁹⁵ Там же.

атаковать передовые хорошо укрепленные позиции советских частей, предпочитая действовать из засад по автоколоннам. Из этого вытекает ещё одна особенность войны – высокая частота участия в боестолкновениях тыловых подразделений. М. Панкратов отмечает, что «наиболее опасной служба была у автомобилистов и ремонтников».⁹⁶ По долгу службы они были вынуждены часто перемещаться по ущельям, ежедневно подвергаясь опасности быть атакованными. Несмотря на это, ремонтников, по аналогии с Великой Отечественной войной, продолжали считать тыловиками. В организации армии существовал неформальный потолок на награждение солдат и офицеров тыловых подразделений. Н. Фомин отмечал: «Раз тыловик, то вот тебе медаль «За боевые заслуги» или «За отвагу», и не более».⁹⁷

Тактика действий советских войск в Афганистане постоянно менялась, о чём свидетельствуют мемуары военачальников.^{98 99} Командование ОКСВ сделало выводы из ошибок, допускавшихся при вводе советских войск, когда в азиатскую страну была введена, по сути, «европейская» армия, не обладавшая ни специальными навыками для ведения войны в гористой местности, ни специальным оснащением. Постепенно улучшались методы борьбы с моджахедами, офицеры учились минимизировать потери в своих частях, были смещены акценты в подготовке войск. Больше внимания стало уделяться борьбе с караванами, идущими из Пакистана. По сути, советские войска во многом стали использовать тактику противника.

Тем не менее, изменение тактики советских войск в Афганистане простыми солдатами в воспоминаниях не фиксируется. Они делают акцент на предметах амуниции, вызывавших массу нареканий. Особое недовольство военнослужащих вызывала штатная обувь, сапоги или берцы, совершенно непригодная для боевых действий в горах. Это привело в

---

⁹⁶ Звезда над городом Кабулом. – М., 1990.

⁹⁷ Афганистан болит в моей душе...: Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. – М., 1990.

⁹⁸ Громов Б.В. Ограниченный контингент. – М., 1994.

⁹⁹ Гареев М.А. Моя последняя война. – М., 1996.

широкому использованию трофейных вещей, а также предметов, полученных разными путями от местного населения. Так, на многих фотографиях «афганцев» можно увидеть импортные кроссовки. Среди сапёров ходила поговорка: «В сапогах – без ноги, в ботинках – без ступни, в кроссовках – без пальцев».

Войне, по воспоминаниям участников, предшествовала длительная подготовка как кадровых военнослужащих, так и проходивших срочную службу. Н.П. Фомин пишет: «...Мы шутили, что нашим потенциальным противникам не нужно с нами воевать, чтобы победить. Достаточно того, чтобы они примерно за месяц объявили, что собираются на нас напасть. Мы, в стремлении как можно лучше встретить это нападение доведём войска до такого состояния, что их можно будет брать голыми руками – настолько они будут издёрганы и изработаны».¹⁰⁰ Опыт, полученный в ходе многочисленных учений и тревог, вселял в личный состав определённую уверенность в своих силах, что частично объясняет тот факт, что отправка военнослужащих в Афганистан воспринималась ими спокойно.

Тыловые службы, занимающиеся снабжением войск, вызывали множество нареканий в среде солдат и офицеров. Как отмечает П. Ткаченко, «тыловые службы давно стали притчей во языцех. Увы, они дают этому повод своей неразворотливостью, неоперативностью. Решение многих вопросов затягивается на годы из-за обилия согласований, официальных бумаг, многоступенчатости инстанций, этой застарелой проблемы брежневского правления».¹⁰¹ Проблема надлежащего снабжения всеми необходимыми видами довольствия так и не была решена на должном уровне вплоть до конца войны.

Вооружение и техника, применявшаяся советскими войсками, характеризуется участниками как вполне соответствующая своему времени, хотя тракторы встречаются противоположные. Так, оценки БМП-1

---

¹⁰⁰ Афганистан болит в моей душе...: Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. – М., 1990.

¹⁰¹ Там же.

находятся в диапазоне от «кормилицы» до «гроба на троих». Особенно место в воспоминаниях занимает вертолётная авиация. Вертолёты получили заслуженное место в «афганском» фольклоре, пользуясь неизменной любовью военнослужащих. Вертолёт Ми-8, основная «рабочая лошадка» войны, был ласково прозван солдатами «братишкой».

Некоторые воспоминания, затрагивающие события начального периода войны, затрагивают проблему малочисленности личного состава соединений. В. Кубатин рассказывает, что во время проведения боевых операций на одну БМП приходилось всего два члена экипажа – механик и наводчик, хотя по штату должно быть трое.¹⁰²

Рассуждая об организации советской армии, ветераны часто обращали внимание на неофициально сложившуюся иерархию родов войск, в которой первое место принадлежало десантникам, лётчикам, второе – танкистам, артиллеристам и т.д., третье – различным тыловым службам, которые в условиях Афганистана нередко несли самые тяжёлые потери. Неуставная иерархия невольно вызывала соединения разных родов войск на конкуренцию. Н. Фомин описывает это следующим образом: «...До итоговой проверки по количеству чрезвычайных происшествий танкисты были на первом месте, а накануне у артиллеристов опрокинулась машина. Естественно, что все стрелы приняли на себя артиллеристы. Танкисты же потирали руки от удовлетворения».¹⁰³

Большое внимание в воспоминаниях уделяется проблеме коррупции в армии. Так, П. Ткаченко рассказывал о бесследном исчезновении японских телевизоров и магнитофонов, закупленных для армии.¹⁰⁴ Принимая во внимание, что в свободной продаже в советских магазинах такого эксклюзива нет, а на чёрном рынке за них дают тройную цену, нетрудно догадаться, в каком направлении они ушли.

---

¹⁰² Афганистан болит в моей душе...: Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. – М., 1990.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

Многие офицер нижнего звена отмечали положительную роль гауптвахты в войсках: помимо воспитательного эффекта она давала эффект спасительный, защищая солдата от суицида, давая ему возможность отвлечься от нудных фронтовых будней.

Таким образом, комплексный анализ особенностей войны в мемуарах и воспоминаниях отсутствует. Однако, авторы обратили внимание на ряд специфических черт организации и устройства армии, её недостатков, об отношении к противнику.

Раздел 4.

Причины и предпосылки, приведшие к боевым действиям, события, катализирующие участие в боевых действиях оцениваются ветеранами Афганской операции по-разному. Довольно чётко можно выделить два варианта этой оценки, соответствующие представителям высшего командного состава, простым солдатам, офицерам низшего командного состава. Взгляд офицеров высоких должностей на происходившие события, его широта, объясняется высокой степенью доступности для них объективной информации о событиях.

Ю. Дроздов указывает, что предпосылки Афганской войны возникли довольно давно, с 1973 г. В регионе со 2-й пол. 1960-х гг. начали формироваться новые центры влияния, альянсы и линии напряжения. При этом, политическое разделение в регионе проходило не по линии «социализм-капитализм», как ошибочно представлял себе это Кремль, а по религиозной линии. Кремль представлял себе Среднюю Азию как очередной плацдарм своего противостояния с США, хотя в это время на политической арене появляются другие силы, в частности, Китай, Иран, Саудовская Аравия, страны-участники Движения неприсоединения.

В целом, по утверждению М. Гареева, 2-я пол. 1970-х гг. выдалась очень напряжённой в Средней Азии и на Ближнем Востоке, особенно 1979-й г год: Египет, бывший фактическим союзником СССР, заключает сепаратный мирный договор с «кровным врагом» - Израилем; революция в Иране приводит к власти аятолл; пришедший к власти в Ираке Саддам Хусейн ищет возможности для укрепления своей власти в виде «маленькой победоносной войны» и находит их в конфликте с Ираном; левоцентристское правительство Турции уходит в отставку; Сирия во главе с Х. Асадом провоцирует Гражданскую войну в Ливане; в которую, в свою очередь, втягивается Иран; Ливия во главе с М. Каддафи оказывает поддержку террористическим организациям по всему миру. По мнению

авторов мемуаров, резкое усложнение ситуации на Ближнем Востоке не способствовало пропорциональному «уточнению» политики СССР, продолжавшего делить страны на «своих» и «чужих». Такое отношение к происходившему изменению политической канвы, непонимание восточной специфики привело к вводу советских войск в Афганистан.

А.А. Ляховский писал, что основной причиной трагической Афганской войны стала неспособность советского правительства вовремя и объективно оценить современную ему расстановку сил на Востоке, новые тенденции в его развитии, такие как рост влияния исламского фундаментализма, постоянное использование террора для достижения политических целей исламскими группировками, экономическую поляризацию. Это положение подтверждается стенограммой переговоров Тараки, одного из лидеров НДПА, с министром иностранных дел СССР Косыгиным. Последний в ходе разговора удивлённо спрашивал, в чём же причина резкого снижения популярности НДПА в народе. На заявление Тараки о доминирующем религиозном факторе Косыгин предлагает афганскому правительству «опереться на рабочий класс», что свидетельствует о полной неосведомлённости многих высших лиц о ситуации в Афганистане, т.к. в то время афганский рабочий класс насчитывал, по заявлениям Тараки и Амина, не более 2-3 тысяч человек.

Решение проблем Афганского государства не могло идти в «классическом» советском ключе: геополитическая ситуация в регионе усложнилась, число противоборствующих сторон увеличилось.

Афганистан был дружественным СССР государством с 1919 г., с момента его освобождения от власти Великобритании и заключения дружественных договоров с РСФСР. Афганистан стал одной из первых стран, установивших дипломатические отношения с РСФСР. С тех пор, вплоть до начала Афганской операции, в советских документах и СМИ не было упоминаний об Афганистане в негативном ключе. Фактически, Афганистан находился в неофициальной сфере влияния СССР. Смена политического режима с

монархии на республику в 1973 г. кардинально в отношениях между государствами ничего не изменила. Ю. Дроздов указывает, что революция 1978 г. была для советской стороны во многом неожиданной, но не случайной, т.к. с лидерами афганских социалистических сил тесно работали представители Первого Главного управления КГБ СССР и Международного отдела ЦК КПСС.

Дальнейшие события показали, что Советский Союз, в целом, проиграл от смены политического режима в 1978 г., т.к. его лидеры не отличались лояльностью к своим политическим оппонентам и политической гибкостью, стремительно теряя поддержку населения. Итогом этого стали телефонные разговоры лидеров афганских социалистов Тараки и Амина с Косыгиным и Устиновым соответственно, в которых они настойчиво потребовали ввода советских войск в Афганистан для спасения социалистического режима.

Падением влияния центральной власти поспешили воспользоваться правительства Ирана и Пакистана, которые стали инициаторами засылки на афганскую территорию групп переодетых военнослужащих с целью пропаганды радикального ислама. Кроме того, правительствами этих стран были приняты меры для поддержки афганской оппозиции оружием и финансами.

Косыгин проинформировал о состоявшихся разговорах с лидерами НДПА Политбюро, и на его заседании звучат мнения о недооценке религиозного фактора, об узкой социальной базе режима НДПА, о том, что ввод войск в Афганистан будет означать войну с населением, о вмешательстве во внутриафганские дела Ирана и Пакистана (но не США). Вслед за этим звучали предложения о расширении контактов с афганской оппозицией, с Ираном и Пакистаном, о формировании коалиционного правительства. Тем не менее, Политбюро принимает решение о поддержке центрального правительства финансами и оружием.

А.А. Ляховский отмечает, что у Политбюро не было долгосрочной стратегии в отношении Афганистана, учитывающей специфику конкретно

этой страны. Решения же переводились в плоскость ожидания и ситуативных планов.

В Политбюро постепенно выделились три группы: первая настаивала на вводе войск (Андропов, Устинов), вторая противилась этому решению до конца (Косыгин), третья негласно поддерживала ввод (Громыко, Сулов, Кириленко, Черненко).

В своих воспоминаниях светские офицеры указывают на значимость Афганистана для советской сферы влияния. Афганистан занимает важное географическое положение, находясь в непосредственной близости от южных границ Советского Союза. Введение войск в Афганистан многими было воспринято как попытка вырвать Афганистан из зоны влияния США, в которую, по их мнению, он постепенно переходил. Однако, Ю. Дроздов отмечал, что мнение об изначальных попытках США подчинить Афганистан своей воле ошибочно. По его мнению, США в данном вопросе заняли выжидательную позицию, выполняя лишь роль посредников при поставке оружия моджахедам. Прямые военные поставки американского вооружения исламской оппозиции начались лишь в 1985 г.

Анализ воспоминаний солдат и офицеров младшего командного состава позволяет прийти к выводу, что, в целом, официальная советская пропаганда целей Афганской кампании неплохо мотивировала воинов на выполнение поставленных задач. Многие ветераны даже в 1999 г., в первую очередь те, кто принимал участие в войне лишь на начальном этапе, говорят о том, что нахождение советских войск в Афганистане не было напрасно: да, руководство Советского Союза могло бы ввести в Афганистан ещё больше войск, чтобы «ни одна мышь не проскочила из Пакистана», но такая победа ему была не нужна. Советским солдатам было важно защитить ростки Афганской революции, позволить ей разрастись и вовлечь ещё больше людей, «накопить своих сторонников». Н. Фомин писал: «Видеть, слышать, ощущать чужое горе и не отозваться на зов о помощи – не знаю, найдутся ли у нас такие люди? Конечно, единицы отыскивались бы, но большинство не

смогли бы быть безучастными». Воины верили, что помогают нищему афганскому народу.

Официальная пропаганда на начальном этапе войны утверждала необходимость проведения операции в Афганистане. При этом, боевые действия не именовались войной, проходя под лозунгом интернациональной помощи дружественному народу Афганистана. На июньском пленуме ЦК КПСС 1980 г. провозглашалось: «Смелый, единственно мудрый шаг, предпринятый в отношении Афганистана, с удовлетворением был воспринят каждым советским человеком».

Понятие «интернационального долга» в то время было исключительно мирным. Действительно, на начальном этапе операции советские войска занимались, в основном, строительством объектов гражданской и военной инфраструктуры ДРА, а также охраной наиболее важных стратегических объектов. В воспоминаниях солдат прослеживается мысль о том, что ввод войск в Афганистан будет похож по сценарию на ввод войск стран Организации Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. Однако, по мере ужесточения боевых действий и расширения географии афганского сопротивления, развёртывания партизанской войны, в среде военнослужащих всё чаще возникал вопрос: «Зачем мы здесь?»

Реакцией советской идеологической машины стало смещение акцентов с помощи Афганской революции на защиту государственных интересов СССР от «американского империализма», оборону «южных рубежей». Основной целью, тем не менее, продолжала провозглашаться братская военная помощь правительству ДРА в защите социалистических завоеваний Апрельской революции от международного империализма.

Однако, после переговоров М.С. Горбачёва с Р. Рейганом в 1987 г., в ходе которых была достигнута договорённость о выводе советских войск из Афганистана, и Женевских соглашений 1988 г., в которых это решение было окончательно закреплено, наступила полная дезориентация в идеологических установках обоснования участия СССР в войне. Это

привело к нежеланию большого количества военнослужащих участвовать в боевых операциях. Отсутствие чёткого понимания целей на войне привело к резкому снижению морального духа личного состава частей ОКСВ и, как следствие, к многочисленным нарушениям закона, в том числе по отношению к местному населению.

Официальные лозунги не были единственным проявлением мотивации советских солдат к выполнению боевых задач. Многие ветераны утверждали, что не верили пропаганде уже в ходе войны. Об этом говорит, например, В. Кубатин: «...Они знают, чьим оружием убиты их товарищи, и на дешёвую пропаганду не клюнут». Автор этих строк акцентирует внимание на убитых товарищах, и эта идея, идея мести за павших друзей, является не менее важным стимулом к ведению боевых действий. Авторы часто обходят тему «интернационального долга» стороной, останавливая своё внимание именно на мести. «Когда они наших убивают, то, думаю, несколько не задумываются», «Кто бы они ни были, мне легче, они стреляют в нас» - именно такие оценки мотивации к войне и её оправданию преобладают в воспоминаниях участников различных этапов военной операции. Н. Курган вспоминает: «...Мы поклялись мстить тем же. И мы мстили. Я говорю Серёже Болотникову: «Сергей, мы ведь троих людей убили, тебе не плохо?» А он говорит: «Разве это люди? Это враги. Не мы их, так они нас»».

Особое мнение по поводу «афганской мотивации» высказывает Ю.М. сидоров: «...У всех на глазах была какая-то жёсткая решимость доказать самому себе, да и другим тоже, что тебя не пугает перемена обстановки». Здесь также уместно упомянуть о коллективном духе социальной группы «афганцев», мотивировавшего на бой куда лучше, чем «лозунговая тарабанщина».

Обобщая вышеизложенное, можно прийти к выводу, что причины войны, мотивация к участию в боевых действиях является одним из важнейших и наиболее часто встречающихся дискурсов в воспоминаниях воинов-интернационалистов. При этом, на итоговую оценку причин ввода советских

войск участниками большое влияние оказывает не только эмпирический опыт военнослужащих, но и официальная советская идеология, в развитии которой можно выделить три периода. В целом, можно выделить три идеально-типических репрезентации причин Афганской войны в восприятии ветеранов, соответствующих представителям старшего командного состава, младшего командного состава и рядовых солдат.

Раздел 5

Отечественная армия всегда носила в себе черты национального характера русского человека, составлявшего всегда в армии национальное большинство. Русская социокультурная специфика, психология национального характера обусловили отличительные черты психологии советского солдата, и одной из таких черт является сильное влияние коллектива на индивида, желание быть его частью, не выделяться из него. Это желание вполне естественно для человека, оказавшегося в сложных жизненных условиях, в которых решать задачи в одиночку невозможно. Как отмечал Г.Н. Чемоданов, «армия всегда была отражением, точным слепком своего народа, часть которого она представляет...»¹⁰⁵ Солдатская масса, в том числе в период Афганской войны, выступает как единое целое, повинуюсь приказу и долгу. «Как похожи судьбы многих парней в самом начале их жизни, как удивительно совпадают их взгляды на многие вещи» - пишет Ю. Сидоров.¹⁰⁶ А. Томило также отмечает, что «красив человек наш в общей беде, в общей настоящей трудности»¹⁰⁷. В воспоминаниях некоторые солдаты отмечали, что до войны считали дикостью прикрыть своего командира телом, погибнуть вместо него, однако, в Афганистане это случалось сплошь и рядом вплоть до вывода войск. А. Марченко пишет, что «кроме естественного инстинкта самосохранения есть, существует и высший инстинкт – сохранение другого, всех... Этот организм неделим. Он один»¹⁰⁸. И если ради выполнения задачи солдату приходилось спасти голову этого «организма», то он часто делал это, не задумываясь о подвиге.

Рассматривая вопрос о выдающихся морально-боевых качествах советского солдата, нужно прежде сказать, что большое количество авторов утверждали, что непосредственно во время боя страх уходит, и мысли о смерти

---

¹⁰⁵ Чемоданов Г.Н. Последние дни старой армии. – М., 1926.

¹⁰⁶ Афганистан болит в моей душе...: Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. – М., 1990.

¹⁰⁷ Живая память Афгана. – Курган, 1999.

¹⁰⁸ Звезда над городом Кабулом. – М., 1990.

– тоже. В. Тамаров писал: «Было ли мне страшно? Это сложный вопрос. Я об этом не думал. Просто не думал. Было скорее любопытно. Пули взбивают фонтанчики пыли в нескольких сантиметрах от тебя, а ты лежишь, и мысли какие-то дурацкие в голову лезут: «вот здорово! Надо об этом домой написать. Родителям нельзя, напишу другу». Но это не от смелости, нет. Просто мы там, наверное, этим все жили, а когда живёшь рядом со смертью, ты о ней не думаешь, ты стараешься с ней пореже встречаться»¹⁰⁹. Солдаты также отмечали особый, предбоевой взгляд, появлявшийся на глазах у всех, который кратко можно охарактеризовать выражением: «Спаси и сохрани нас»¹¹⁰. Однако, это не был страх.

Возвращаясь к вопросу о коллективном характере советской армии, необходимо отметить, что в воспоминаниях часто прослеживается боязнь обвинений в трусости. Страх перед начальством, перед коллективом, перед возможностью выделиться из него в плохом свете иногда перевешивал страх перед противником, что порою приводило к трагическим последствиям. Так, Г. Потапов в своих воспоминаниях описывает случай, когда солдаты не держали оружие в боевом положении при возвращении из дневного отпуска в часть, чтобы не показаться друг перед другом трусами. В итоге, БРДМ, на которой передвигалась группа, была обстреляна практически в упор, в ходе завязавшегося боя погиб человек, а сам рассказчик был ранен.¹¹¹

Стоит отметить, что несмотря на многие общие психологические черты и особенности психики, выработавшиеся у «афганцев» под влиянием войны, эта социальная группа отнюдь не однородна. Как отмечал В. Пинчук, «...были там и трусы, и подлецы, немного правда, но были»¹¹². Он же отмечал, что «афганцы» - очень разная социальная категория, что «подлеца война не делает лучше»¹¹³, что «просто там была своя, другая жизнь, и ею жили, кто как мог»¹¹⁴.

А могли так, как этого требовали страницы воинского устава, далеко не все. В

¹⁰⁹ Звезда над городом Кабулом. – М., 1990.

¹¹⁰ Майоров А.М. Правда об Афганской войне. – М., 1996.

¹¹¹ Звезда над городом Кабулом. – М., 1990.

¹¹² Живая память Афгана. – Курган, 1999.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

составе ОКСВ были самые разные люди: студенты, отчисленные с разных курсов разных учебных направлений, вчерашние школьники, только принявшие присягу в Союзе и сразу же отбывшие в Термез, учащиеся ПТУ и т.д.

Участники боевых действий пытались даже в зоне войны оставаться людьми, которым отнюдь не чужды чувства жалости и сочувствия к врагу, несмотря на всю жестокость боевых действий и трудности армейского быта. Ю. Сидоров рассказывает, что к врагу большая часть солдат испытывала сразу два чувства: «первое – ненависть, потому что они хотели нас убить», «второе – сострадание, потому что они были бледны и держались от потери крови»¹¹⁵. Он же в своих воспоминаниях описывает эпизод, когда член вражеской банды, только что ранивший товарища автора, сам был обездвижен выстрелом из снайперской винтовки. Уже через несколько минут его раны перевязывал другой товарищ автора, несмотря на то, что только что враг ранил и мог убить его друга. Сам автор, стрелявший из винтовки, отмечал, что не смог «выстрелить духу в спину», т.к. пожалел его, и выстрелил в ноги.¹¹⁶

Большая часть ветеранов единодушно отмечает выдающиеся боевые качества советского солдата, который мог сомневаться в необходимости боя лишь до него, но в его ходе, по большей части, вёл себя смело и решительно, не боялся сойтись в рукопашной схватке с противником, спасал товарищей, рискуя жизнью. «Афганцы» утверждают, что в ходе боя солдаты могли совершить невозможное, не задумываясь над этим. В. Петров пишет: «До сих пор преследует суеверное чувство – как можно было мягкими пальцами крошить и рушить каменистую твердь (для окопов), на ней даже гусеницы танков не оставляли следа»¹¹⁷.

Отмечали участники и хорошую подготовку солдат, в том числе срочной службы: «недаром военных обучают всему до автоматизма, или, как раньше

---

¹¹⁵ Афганистан болит в моей душе...: Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. – М., 1990.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Звезда над городом Кабулом. – М., 1990.

говаривал наш лейтенант, до стирания разума. Сознание ещё не успело сработать, а рефлекс уже действовал», - отмечал Н. Фомин¹¹⁸.

Также в воспоминаниях часто отмечается уникальная приспособляемость советских солдат и офицеров к непривычным для них условиям жизни: к душным модулям с фанерными окнами, к землянкам, кишаскими крысами, к сухой перловке и задохнувшемуся в полиэтилене куску хлеба¹¹⁹. Немногие авторы, рассуждая о бытовых условиях Афганской кампании, акцентировали внимание на подобных вещах, гораздо больше негатива выплёскивая на амуницию.

Поговорка «тот, кому суждено разбиться, не утонет», родившаяся среди бойцов ОКСВ, иллюстрирует ещё одну особенность советского солдата. Это высказывание – вариация извечного русского «авось». Ветераны вспоминали, что порой своеобразный фатализм военнослужащих приводил к плачевным последствиям. С. Тарбидзе описывает следующую ситуацию: «Пока меняли карбюратор, пока обедали, пока собирались, время затянулось, и недалеко было до темноты. Но кто и когда припомнит случай, чтобы наш человек, собравшись, лдумался и отложил поездку до лучшего времени? Раз собрались, надо ехать. О, если бы не это единокорые, сколько бы ошибок можно было избежать»¹²⁰.

Представляет собой интерес образ «идеального офицера», формируемый в воспоминаниях солдат. Изученные солдатские воспоминания позволяют сделать вывод, что наибольшим авторитетом в среде солдат пользовался офицер, лично посещавший места ведения боевых действий, способный подвергнуть себя риску наравне с рядовыми солдатами, что всегда резко повышало моральный дух войск. Солдаты ценили, когда высокий начальник «примерял» на себя опасность, переживаемую солдатами ежечасно, чувствовал то же, что чувствовали они, выражал готовность выполнить любой, даже смертельный, приказ. Авторитет в войсках Б.В. Громова, как пишет Е.С.

---

¹¹⁸ Афганистан болит в моей душе...: Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. – М., 1990.

¹¹⁹ Наумов Л. Афганская война и что о ней известно. – М., 1997.

¹²⁰ Звезда над городом Кабулом. – М., 1990.

Сенявская, во многом был основан именно на этом, на его способности рискнуть жизнью в нужный момент, доказывая тем самым солдатам своё моральное право распоряжаться чужими жизнями¹²¹. Гвардии майор П.А. Попов вспоминал: «У Громова была специфика такая, очень уважали его за это. Он не был трусом. Всё время 01-й, 02-й БТР, где бы ни было каких операций, он всё время выезжал туда один. Фактически, выезжал командующий войсками, и у него в прикрытии один БТР был!»¹²²

Ценили солдаты в офицере и справедливость, и строгость, если он поступал по праву как по отношению к подчинённым, так и по отношению к вышестоящему начальству. Многие при этом указывали, что таким офицерам, которые не боялись высказывать самостоятельные суждения в спорах с командирами, труднее было получить награду за собственные заслуги и продвигаться по карьерной лестнице. Н.Е. Курган вспоминал: «Я помню момент, когда наш батальон зажали душманы, дальше идти – терять людей. Садится вертолёт в генералом. Он приказывает «Вперёд!», а комбат отвечает: «Я своих детей под пули не пошлю». У него из-за этого были большие неприятности».¹²³

Ценили солдаты и профессиональные качества офицеров: ответственность, чувство долга, хладнокровие в трудных ситуациях и деловитость. При этом на основе воспоминаний солдат можно выделить два идеально-типических образа советского офицера в восприятии солдат: первый, описанный выше, бережёт людей, предпочитая получать нагоняи от начальства, чем брать на совесть груз зря загубленных жизней. Второй боится начальства больше противника, служит начальнику, а не Отечеству, как правило, в бою сразу развенчивает себя. Его образ часто переплетается в сознании солдат с коррупцией в армии. Насмешка в войсках такому офицеру обеспечена.

Таким образом, образы советского солдата и офицера, формируемые в воспоминаниях, подразумевают присущие солдату и офицеру качества,

---

¹²¹ Сенявская Е.С. Психология войны в 20 веке: Сравнительно-историческое исследование. – М., 1999.

¹²² Там же.

¹²³ Живая память Афгана. – Курган, 1999.

позволяющие им добиваться наибольшего уважения среди подчинённых или командования.

Оценка последствий Афганской войны участниками в период 1989-1999 гг. лучше всего показывает взаимосвязь содержания воспоминаний и контекста, в котором они были созданы. Обида на государственные институты, на общество не могут быть результатом влияния исключительно личного опыта. Неслучайно одним из основных следствий войны, упоминания о котором так или иначе встречаются в каждом воспоминании, является посттравматический синдром, само появление которого применительно к Афганской войне является следствием общественно-политической обстановки в СССР и России 1990-х гг. При этом, как и в случае с оценкой причин боевых действий, прослеживается разница в расстановке акцентов рядовыми и офицерами в рамках одного дискурса: офицеры делали упор в своих воспоминаниях, по большей части, на политических, экономических и статистических последствиях войны.

Раздел 6

Последствия Афганской войны, отражённые в памяти воино-интернационалистов и освещённые в изучаемых сборниках воспоминаний, делают акцент, главным образом, на личных переживаниях и психологических травмах. Эту особенность психики авторов лучше всего выражает поговорка: «Ещё не вышел из штопора войны».

Для участников Афганская война стала настоящим психологическим шоком, затронувшим их восприятие гораздо больше, чем таковое у остального общества. То, что происходило там, в Афганистане, все ужасы войны, забыть не представлялось возможным, и они способствовали тому, что бывшие воины-интернационалисты обзаводились нервными и психическими заболеваниями. А. Жирков пишет, что «всё это (смерти и ранения) и сейчас не уходит из памяти»¹²⁴, а В. Бугров отмечает, что «солдатская форма-«афганка» легла в дальний угол шкафа вместе с медалями. Вот только воспоминания не хотели отправляться туда же»¹²⁵.

Участие в боевых действиях самым непосредственным образом отражается на системе ценностей индивида, его представлениях о жизни и её смысле, разрушает привычную структуру межличностных коммуникаций, и эти изменения напрямую отражаются в изложении событий авторами воспоминаний. Часто возникала ситуация, когда вернувшийся из Афганистана солдат уже не мог вернуться к тому, чем занимался до военной службы. А. Жирков пишет: «Армия выбила у меня всё. Предстояло всё начинать сначала»¹²⁶. Морально-психологические проблемы, оставленные Афганской войной, являются наиболее острыми и сложными. Во многом они связаны с негативной оценкой Афганской войны в большинстве средств массовой информации.

---

¹²⁴ Афганистан болит в моей душе...: Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. – М., 1990.

¹²⁵ Живая память Афгана. – Курган, 1999.

¹²⁶ Афганистан болит в моей душе...: Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. – М., 1990.

Из содержания изученных воспоминаний следует, что в последствиях боевых действий и результате не виноваты солдаты и офицеры, честно выполнившие свой долг. Эта мысль проходит красной ниткой через все воспоминания, затрагивавшие тему послевоенной репрезентации войны. Эта мысль напрямую связана с той общественной ситуацией, сложившейся в конце 1980-х-1990-х гг., которую можно назвать «травлей афганцев». Многие публицисты, не стремящиеся к воссозданию объективной картины войны, пренебрегая фактами, не списывающимися в их узкие политизированные рамки, стали называть солдат, прошедших Афганистан, «убийцами женщин и детей», основываясь, главным образом, на отдельных случаях жестокости советских военнослужащих.

Советские солдаты, возвращаясь из Афганистана домой, попадали в ещё более незнакомую перестроечную и поступерстроечную среду, в жизнь, где им нет места. Как отмечает В. Гамаров, «всё было для меня необычно, всё, к чему мы привыкли настолько, что уже не замечаем»¹²⁷. Бывшие военнослужащие, уходившие на войну из советского общества, где ветераны – одна из наиболее почитаемых социальных групп, обнаруживали, что никакого почтения к ним нет. Поколение «афганцев» оказалось разорванным, разбросанным по «горячим точкам» и криминальным структурам, где они находили применение своему богатому боевому опыту.

Проблемы морально-нравственной реабилитации «афганцев» в 1990-е гг. достигали огромных размеров. По данным на ноябрь 1989 г., 3700 ветеранов Афганской войны находились в тюрьмах, а процент острых семейных конфликтов в семьях «афганцев» достигал 75. Более 2/3 опрошенных ветеранов не были довольны своим местом работы и часто меняли его из-за частых конфликтов с начальством и коллегами, 60% страдали от алкоголизма или наркомании, 90% из числа обучающихся в средних и высших учебных заведениях имели академические задолженности и плохую

---

¹²⁷ Звезда над городом Кабулом. – М., 1990.

успеваемость.¹²⁸ По данным Московского объединения организаций ветеранов локальных войн и конфликтов, в 1990-е гг. ежегодно кончали жизнь самоубийством до 3% «афганцев».

Характерной особенностью многих изученных воспоминаний является часто встречающееся желание авторов вновь вернуться в Афганистан, то есть чувство острой ностальгии. Так, К. Андреев писал: «Когда утром проснулся, в шесть часов, как по часам, увидел родные стены, кота, свернувшегося в ногах, понял, что всё – Афганистан стал уже моим прошлым, и острая боль резанула по сердцу. Захотелось стучать в стены, бросить всё и вернуться. Вернуться туда, где я знал свою цель, где я знал цену жизни, где я был нужен. До сих пор мне ещё снятся «афганские сны», а проснёшься – только боль и тоска, но уже никого и ничего не вернуть».

Оказавшись ненужными государству и обществу, ясно показавшим, что им плевать на проблемы ветеранов, «афганцы» в поисках боевого братства, чувства выполненного долга, общего важного дела, приобщённости к обзей культуре оказывались в воюющих армиях разных стран, усугубляя послевоенный посттравматический синдром. Он становился также «карабахским», «таджикским» и т.д. «Афганцы» вновь шли на войну, потому что так и не сумели с неё вернуться. Эту ситуацию ярко иллюстрирует письмо, отправленное в редакцию «Комсомольской правды» ещё в 1989 г.: «Знаете, если бы сейчас кинули по Союзу клич «Добровольцы! Назад, в Афган!», я бы ушёл... Чем жить и видеть всё это дерьмо, эти зажравшиеся рожи кабинетных крыс, эту людскую злобу и дикую ненависть ко всему, эти дубовые, никому не нужные лозунги, лучше туда! Там всё проще».

«Афганцы» были преданы государством. Дважды. Когда замалчивалась их роль в Афганистане в 1979-1983 гг. и когда пресса попыталась навязать им комплекс неполноценности, а государство оставило их без защиты.

---

¹²⁸ Сенявская Е.С. Психология российских участников боевых действий в 20 в.: Сравнительно-историческое исследование. – М., 1999.

Проходящая в воспоминаниях обида, наравне с оправданием, - важнейшая особенность именно «афганских» воспоминаний, и обида эта, прежде всего, направлена на государство и его институты. В случае первого «предательства», воины жалуются на то, что их деятельность почти не освещалась в СМИ. Так, В. Кубатин рассказывает, что во время службы в нем на позиции приезжали корреспонденты газеты. Два дня солдаты рассказывали им о своих фронтовых буднях, об особенностях боевых действий, о своём участии в боях. Позднее автору воспоминаний удалось найти выпуск этой газеты за 26-17.09.1981, в котором не было ни слова о советских солдатах.¹²⁹

Ветераны Афганской войны не раз отмечали, что высшее командование очень неохотно идёт на награждение собственных подчинённых за проявленные в боях мужество и героизм. П. Ткаченко, не раз бывавший в Афганистане в служебных командировках, писал, что видел на наградных документах отказную резолюцию «Война в народе непопулярна»¹³⁰. Ветераны указывают, что в Афганистане не раз случалась ситуация, когда фронтовое командование по нескольку раз отправляло наградные документы на одного и того же бойца, однако получало отказ. Многие углядывали в этом существование квот на награждение участников «необъявленной войны», что вызывало гнев у воинов-интернационалистов. Так, П. Ткаченко заявлял: «Почему развалившийся в кресле чинуша, не воевавший и не страдавший, присваивает себе право вершить судьбы? Доколе терпеть такое?!»¹³¹. Е. Ефремов, рассказывая о своём боевом пути, описывает ситуацию, в которой его друг Сергей, в ходе боя оставшийся без ног, продолжал отстреливаться от противника до полной потери сознания. Ефремов отмечает, что ему «очень обидно за тех ребят, что полегли там», «ведь Серёгу даже посмертно не наградили»¹³².

---

¹²⁹ Афганистан болит в моей душе...: Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. – М., 1990.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

¹³² Звезда над городом Кабулом. – М., 1990.

Однако второе «предательство» гораздо более существенное, и связано оно с тем, что ветеранам почему-то пришлось самим оправдываться за то, что они, выполняя приказ свыше, принимали участие в боевых действиях, в то время как государство тактично «отошло в сторону», оставив «афганцев» под градом многочисленных обвинений в СМИ. Обида на чиновников, государственные структуры, военные комиссариаты есть в большинстве изученных воспоминаний. Майор А. Гринь, работавший в 1990 г. в Калининском райвоенкомате Москвы и лично участвовавший в Афганской войне, отмечал, что «не может видеть и слышать, как «афганцы» обивают пороги разных кабинетов, как выпришивают то, что им положено»¹³³. Многие ветераны в своих воспоминаниях отмечают равнодушие, а иногда и враждебность местных властей, не желающих «доставить себе лишние хлопоты, понять психологию другого человека». П. Кванчиков рассказывает, что никакого уважения, никаких льгот в посёлке проживания к нему не было. В обращении к редакции он так и пишет: «Если можете, напишите директору письмо и «большое спасибо» ему за отношение не только ко мне, но и ко всем воинам-интернационалистам, живым и павшим». Кванчиков указывает, что тов. Шнайдер, являясь директором государственного предприятия, во время массовых акций 9 мая даже не соизволит зайти на могилы солдат, погибших в Афганистане и похороненных на кладбище посёлка.¹³⁴

Обида, а иногда и гнев, на государственные институты у многих участников операции появлялась сразу же после вывода, когда радость первой встречи сменялась осознанием, что государство не позаботилось даже о горячем обеде для выводимых частей, об их проживании. В результате воины были вынуждены продавать своё имущество на стихийно образовавшихся чёрных рынках, чтобы иметь возможность приобрести

---

¹³³ Сенявская Е.С. Психология российских участников боевых действий в 20 в.: Сравнительно-историческое исследование, 1999.

¹³⁴ Афганистан болит в моей душе...: Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. – М., 1990.

необходимые предметы. Некоторые авторы отмечали, что многие военнослужащие, проходившие срочную службу, не были даже обеспечены транспортом для возвращения домой.

Воины-интернационалисты не раз сравнивали Афганскую и Вьетнамскую войны, находя в них много общего. В 1990-е гг. проводилось немало встреч между ветеранскими комитетами «афганцев» и «вьетнамцев», на которых стороны обменивались опытом, впечатлениями, оказывали посильную помощь друг другу. Ветераны указывали, что в США действуют около 186 психологических реабилитационных центров¹³⁵ для помощи ветеранам Афганистана. В СССР и России, естественно, ни одного такого центра не было. Американское правительство смогло взять на себя ответственность за собственные ошибки, не возлагая её на простых солдат и офицеров. Афганская же война имела своим следствием всеобщее чувство «Нас предали. Мы теперь больше никому не нужны». И это чувство было вызвано собственным государством и «гражданским обществом». В сознании многих «афганцев» демократия стала ассоциироваться с изменой.

Однако, следует признать, что многие авторы воспоминаний проводили грань между государством и обществом. Они указывали, что обычные люди неспособны к равнодушию, что многие из них относились к выводимым войскам как минимум сочувственно. П. Ткаченко отмечал, что, в отличие от государственных структур, люди засыпали выходящие из Афганистана войска цветами и фруктами.

Вернувшись с войны, «афганцы» стали другими. Боевой опыт, умение взять на себя ответственность часто противоречат житейскому опыту, системе сложившихся взаимоотношений, насыщенному конфликтами постперестроечному обществу. «Афганистан приучил меня верить только тому, что человек делает, а не что говорит. Там ребята проверялись на деле, каждый был на виду», - вспоминает В. Курган¹³⁶.

---

¹³⁵ Андронов И.И. Под огнём от Афганистана до Москвы. Мемуары. – М., 1999.

¹³⁶ Живая память Афгана. – Курган, 1999.

По выработавшейся привычке, «афганцы» ко всему относились настороженно. Таков был иммунитет к невидимой опасности. Прямолинейность характера, выработавшаяся за годы службы, делала ветеранов Афганистана неудобными людьми для общества, окружения. «Афганцы» вели себя независимо в отношениях с вышестоящими инстанциями, требовательно по отношению к подчинённым, не терпели фальши и лицемерия. Афганистан приучил их, что пренебрежение этими правилами может стоить жизни как им самим, так и всем окружающим людям. Смещение привычной для «гражданки» шкалы ценностей в годы войны впоследствии приводило к тяжёлым душевным травмам.

В отличие от воспоминаний солдат, авторами мемуаров больше внимание уделено политическим последствиям Афганской войны.

Во-первых, указывалось, что в Совете безопасности были выдвинуты требования осудить Советский Союз за неспровоцированную открытую агрессию против независимой страны.

В-вторых, Конгресс США отказался от обсуждения договора ОСВ-2 до тех пор, пока не прекратится агрессия. Временно были заморожены все двусторонние переговоры и визиты на высшем уровне, передача передовой технологии. Предлагалось наложить запрет на продажу зерна, ограничить американские и европейские кредиты.

В-третьих, США отказались от дипломатического признания нового правительства Афганистана, к этому отказу присоединились страны НАТО.

США было принято решение оказать срочную помощь Пакистану в укреплении его оборонительных возможностей, заключить договорённость с правительствами Сомали и Египта об использовании американскими вооружёнными силами баз на их территории в случае военной угрозы Ближнему Востоку и районам Персидского залива, принять тайную программу обеспечения мусульманских повстанцев в Афганистане ракетами «земля-воздух» советского производства, а также поощрить Китай к

оказанию помощи постанцам пулемётами, миномётами, противопехотными и противотанковыми минами.

Можно констатировать, что введением войск в Афганистан наша политика перешла допустимые грани конфронтации в третьем мире, отметил А.М. Майоров.¹³⁷

Выгоды от этой акции оказались незначительными по сравнению с ущербом, который был нанесён советским интересам. В дополнение к двум фронтам противостояния – в Европе против НАТО и в Восточной Азии против Китая – для СССР возник третий опасный очаг военно-политической напряжённости на юге Союза. Значительно расширился и консолидировался антисоветский фронт государств, опоясывающих СССР с запада на восток. Значительно пострадало влияние СССР на страны Движения неприсоединения, особенно на мусульманский мир. Была заблокирована разрядка, ликвидированы политические предпосылки для ограничения гонки вооружений. Резко возрос нажим на Советский Союз, отмечает А. Ляховский.¹³⁸

«Афганистан на протяжении долгих лет был дружественным СССР государством. Введя туда войска, Советский Союз вместо друга приобрёл врага», - говорит А. Ляховский.¹³⁹

Первоначальные санкции, которые были предприняты со стороны соединённых штатов и запада, оказались не очень болезненными. Советское руководство умело использовало разногласия среди западных союзников. В отношении предложенных США санкций не было единых взглядов у Франции, ФРГ, Италии и Турции. Также не было общей позиции у Канады, Аргентины, Бразилии относительно продажи зерна СССР. Не совсем удачен был бойкот Олимпийских Игр, поскольку многие команды всё-таки приехали в Москву.

---

¹³⁷ Майоров А.М. Правда об Афганской войне. – М., 1996.

¹³⁸ Ляховский А.А. Тайны Афганской войны. – М., 1991.

¹³⁹ Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М., 1995.

Однако, следует признать, что за время пребывания советских войск в Афганистане, как отмечает М.А. Гареев, удалось создать дееспособный режим, который после вывода войск продержался на собственных силах более трёх лет.¹⁴⁰

Советские руководители отдали режим Наджибуллы на растерзание оппозиции. Американская помощь моджахедам не являлась определяющей, т.к. основные поставки и финансовая помощь шли из Саудовской Аравии, Пакистана, Ирана, Кувейта и Египта. Правительство Наджибуллы же получало её только от СССР. Прекращение этой помощи означало крах его режима.

Ситуация, сложившаяся в Средней Азии в 1990-е гг., - во многом результат войны в Афганистане. Она дестабилизировала ситуацию в этом регионе. Зона этой дестабилизации расширялась. Становились зримыми очертания угроз суверенитету среднеазиатских государств, прежде всего Афганистана и Таджикистана, где была развязана гражданская война, а Россия была не в состоянии урегулировать конфликт. Сложившееся в Средней Азии положение стало результатом недальновидной политики советского руководства. Пытаясь предотвратить развитие исламского радикализма, его распространение в Среднюю Азию, оно, напротив, способствовало появлению идеи джихада в Средней Азии. К косвенным последствиям Афганской войны мемуаристы также относят межнациональные и религиозные вооружённые конфликты на территории бывшего СССР в послевоенные годы: в Фергане, Оше, армяно-азербайджанский, грузино-абхазский, российско-чеченский и др.¹⁴¹

Последствием Афганской войны также стало постепенное выдавливание России из Центральноазиатского региона и значительное увеличение наркотрафика.

---

¹⁴⁰ Гареев М.А. Моя последняя война. – М., 1996.

¹⁴¹ Гареев М.А. Моя последняя война. – М., 1996.

Афганистан стал очагом подготовки террористов. Также Б.В. Громов указывал, что американцы поставили моджахедам большое количество «стингеров»¹⁴². Многие из них не были использованы. И хотя часть из них США удалось выкупить обратно, немалое их количество попало в руки движения «Талибан». В дальнейшем эти «стингеры» принесли немало хлопот авиации НАТО в 2001 г.

Рассуждая о военных последствиях Афганской войны, военачальники акцентировали внимание на том, что война имела как положительные, так и отрицательные следствия¹⁴³. К положительным относится то, что армия получила там боевой опыт, были испытаны новые виды оружия, улучшилась боевая подготовка. В самом Афганистане было подготовлено большое количество подразделений местных внутренних войск, частей МГБ.

Непосредственно при ведении боевых действий в Афганистане советские войска не испытывали больших трудностей. Фактически, все операции заканчивались успешно. Неудачей можно назвать лишь то, что моджахедам иногда удавалось выйти из окружения горными путями, и тогда их потеря оказывались незначительными. Если ставилась задача освободить какую-либо территорию или разгромить конкретную группировку сил противника, эта задача решалась. К сожалению, военные победы не стали победой режима, который поддерживал СССР. Они не закреплялись политическими и экономическими действиями.

Людские потери по итогам войны оказались относительно небольшими. За десять лет было убито 14626 человек, не считая умерших в плену и пропавших без вести. Около 50 тыс. человек было ранено, 6669 человек стали инвалидами. Более 500 тыс. перенесли различные серьёзные заболевания. Также было потеряно 147 танков, 1314 бронемашин, 233 орудия и миномёта, 114 самолётов, 332 вертолёт.¹⁴⁴

---

¹⁴² Громов Б.В. Ограниченный контингент. – М., 1994.

¹⁴³ Лебедь А.И. За державу обидно. – М., 1996.

¹⁴⁴ Громов Б.В. Ограниченный контингент. – М., 1993.

Затрагивали представители высшего командного состава и психологические проблемы «афганцев», правда, рассуждая о них с позиции «стороннего наблюдателя», не перенося описываемые явления на себя (исключение – мемуары А.М. Майорова¹⁴⁵). Человеку нелегко привыкнуть к войне – к её опасностям и лишениям, к иной шкале жизненных ценностей и приоритетов. Адаптация к новой обстановке требует ломки прежних стереотипов сознания и поведения, без которой просто не выжить в экстремальных условиях.

Однако, вернуться к спокойному, мирному существованию человеку, проведшему на войне хотя бы несколько недель, не менее сложно: обратный процесс перестройки протекает столь же болезненно и затягивается порой на долгие годы.

---

¹⁴⁵ Майоров А.М. Правда об Афганской войне. – М., 1996.

Заключение.

Социальная память ветеранов боевых действий в Афганистане, формировавшаяся в 1989-1999 гг., изменялась под влиянием различных факторов, среди которых важнейшими являются личный опыт участников боевых действий, официальная советская пропаганда целей войны, общественное отношение к афганской тематике в 1990-е гг., государственная политика в отношении ветеранов войны.

Исследуемая социальная память была зафиксирована в мемуарах и воспоминаниях, авторами которых являются непосредственные участники боевых действий. Она включает в себя различные дискурсы, наиболее часто встречающиеся из которых можно объединить в группы причин, последствий, особенностей войны, советского солдата и офицера.

Существование в социальной памяти участников различных мнений в оценке причин и следствий войны объясняется различными факторами, повлиявшими на её становление. Кроме того, различное восприятие схожих моментов объясняется различным личным опытом участников, ведь «горячая» память во многом индивидуальна.

Наибольшему воздействию социально-политического контекста подверглись оценки участниками причин и последствий, мотивации к ведению боевых действий, в то время как оценки воинами особенностей и психологических черт солдат и офицеров производились, по большей части, под влиянием личного пережитого опыта. При этом, влияние идей советской пропаганды на социальную память воинов-интернационалистов прослеживается вплоть до 1999 г.

Характер, ценностные ориентации, взгляды «афганцев» формировались в нестандартных условиях. Они пережили то, с чем большинству людей сталкиваться в своей жизни не приходилось и не придётся. Они вернулись из Афганистана гораздо взрослее своих сверстников. Они стали «другими» - непонятыми, чужими, неудобными для общества, отгородившегося от них

бюрократической фразой: «Не я вас туда посылал». Они стали замыкаться в себе, или искать друг друга, сплачиваться в группы, создавать свой мир.

Такая ситуация в отечественном научном поле была названа «афганским синдромом», и она отлично характеризует пласт коллективной памяти, сформировавшийся в среде «афганцев» в 1989-1999 гг. Большинство солдат, вернувшихся из Афганистана, не могли сразу найти себя в мирной жизни, и причинами этого были в первую очередь социально-психологические: общество сознательно или бессознательно отталкивало «афганцев», которые вернулись из Афганистана «другими», непохожими на всех остальных.